

01421

старая есть страна,
соединяйтесь!

ГРЯДУЩЕЕ

Пролетарскій литературно-художественный журналъ

ИЗДАНИЕ

Союза рабочихъ писателей „ИСКУССТВО и СОЦІАЛИЗМЪ“.

№ 1. Январь 1918 г. ¹⁹²⁰ Цѣна 60 к.

Участвуютъ писатели-работѣ: Аксень-Ачкасовъ (И. Садовъ), Я. Бердниковъ, Грошникъ (С. Котт-кинъ), Горемыка (С. Ефремовъ), В. Кирилловъ, И. Кедръ, И. Кузнецовъ, Александръ Поморскій, Самобытникъ (А. Машировъ), Тверцовъ, В. Торскій (В. Царевъ), Н. Тихомировъ и др.

Содержаніе:

Отъ редакціи, Мы идемъ (стих.) Аксень-Ачкасова, Пролетаріату (стих.) Влад. Кириллова, Разсвѣтъ (стих.) Александра Поморскаго, Пронькино житишко (разсказъ) Грошника, Передъ грозой (стих.) И. Кедръ, Силуэты изъ жизни рабочихъ (этюды) Самобытника, Могила врага (стих.) Горемыки, Красные цвѣты (стих.) Самобытника, Въ октябрьскіе дни (впечатл. очевидца) В. Кириллова, Къ пролетарской интеллигенціи (статья) Торскаго, Мятелица (стих.) Горемыки, Культура и просвѣщеніе (статья) Аксень-Ачкасова, Въ весенній день (стих.) Самобытника, Своевременныя мысли (статья) В. Кириллова, Юношамъ (стих.) Аксень-Ачкасова, Грядущему (стих.) В. Кириллова, Отдѣлъ пролетарской культуры, Библиографія.

БИБЛИОТЕКА
АЧКАСКИХЪ НАУК
СССР

Адресъ редакціи и конторы: Тамбовская, 63—10, Лиговскій Народный Домъ
Открыта по Воскресеньямъ и Четвергамъ отъ 7 до 9 час. вечера.

Отъ редакціи.

Старый, одряхлѣвшій Міръ—переживаетъ небывалую трагедію. Буржуазная культура разлагается, какъ трупъ. Кругомъ торжественно звучать колокола Соціальной Революціи. Нарождается Міръ новый. Великій Художникъ—Пролетаріатъ творитъ новую культуру. Отвлеченную грезу всей вселенной,—красоту человѣческой жизни, онъ воплощаетъ въ реальную форму. Съ любовью и вѣрой мы смотримъ въ грядущее—оно несетъ намъ освобожденіе тѣла, души и мысли; оно несетъ намъ неисчерпаемое творчество народныхъ массъ. И пусть основанная на рабствѣ, собственности и грабежѣ буржуазная культура озлобленно, иступленными криками и клеветой, встрѣчаетъ приходъ Великаго Художника. Мы же и крѣпко сплоти́мъ свои ряды, мы восторженно возлелѣемъ и соберемъ всѣ цѣны пролетарскаго творчества. Въ этомъ—основная задача нашего журнала. Мы знаемъ, что на нашемъ пути ошибки—неизбѣжны, но совершенствуясь и развиваясь, путемъ коллективной поддержки, мы выйдемъ на солнечный путь пролетарскаго творчества.

Товарищи, пролетарскіе писатели и художники! Мы зовемъ васъ подѣ знамя Грядущаго.

Да здравствуетъ пролетарская культура!

Редакціонная коллегія журнала „Грядущее“.

Мы идемъ.

Разрушая всѣ преграды,
Всѣ препоны, мы идемъ...
Откровенья и наряды
Міру новыя несемъ.

Мошь призыва,
Битвы сладость,
Вихрь порыва,
Вѣру, радость,

Мы взлелѣяли въ груди...
Въ юной пламенной груди.

Мы во власти
Страсти, счастья,
Свѣтлой Воли,
Красной Доли...

Впереді:

Встрѣтитъ Утро, Солнце, День...
Властный, ясный, красный день.

Путь тернистъ, обрывы, скалы,—
Мы зажгли призывный свѣтъ...
Рдятся зори ярко-алы,
Таесть смерти силуэтъ.

Пологъ ночи
Разрываемъ
И рабочихъ
Призываемъ.

Будутъ встрѣчи,
Рѣчи... сѣчи...
Радость бѣдныхъ,
Сонныхъ, блѣдныхъ

Деревень...

Только Вѣру сохраните,
Души творчествомъ горятъ,
На желѣзъ и гранитъ —
Разобьемъ цвѣтистый садъ.

Аксень - Аксаковъ.

Пролетаріату

О, многоликій Владыка Міра!
Чья вѣра — Разумъ, чья сила — Трудъ.
Всѣ грезы сердца, всѣ струны лиры

Моей пѣвучей
Тебѣ Могучій,
Пѣснь поютъ.

Пола темной блузой въ груди суровой
Ты носишь Солнце Жизни Новой...

Ты первый громъ
Весны грядущей

Всегда мятежный, всегда зовущій:
Въ тебѣ одномъ

Лишь оправданье
Всего страданья,
Всѣхъ мукъ Исканья...

Когда гремитъ твое возстанье
И мечъ твой Красный
Въ дыму сверкая —
Враговъ разить,—

Онъ убивая и разрушая
Иной, Прекрасный —
Міръ творить.

Глухое небо —
Просить не станешь
О коркѣ хлѣба.

Ты вѣришь въ силу
Желѣзныхъ рукъ.

Твои молитвы,
Лишь гимны битвы
Во имя Жизни безъ слезъ и мукъ.

Въ своемъ движеніи,
Въ своемъ стремленіи,
Ты воплотилъ —
Все вдохновеніе,
Все достиженіе,
Чѣмъ Свѣтлый Геній —
Міръ озарилъ...

Всѣ, кто убиты,
Во имя Солнца, во имя Свѣта,
Съ тобою слиты...

Въ тебѣ отвѣта,
Отмщенія ждуть,
Мечты распятыхъ
Въ вѣкахъ проклятыхъ
Въ тебѣ цвѣтутъ.

Иди, греми грозой мятежной,
Весною нѣжной
Надъ Міромъ вѣй.

Святую вѣсть Освобожденья,
Цѣпей паденія —
Неси скорѣй.

Вл. Кирилловъ.

Разсвѣтъ.

Дымился сумракъ, вставали зори,
Лучемъ парчевымъ задернуть склонъ.
Вдыхали сосны, шумѣло море —
Вдали маячилъ чуткій звонъ...

Склоняясь низко, утесы спали,
На нихъ кончался небосводъ.
А дали робко трепетали —
Пророка солнечный восходъ.
Александръ Поморскій.

Пронькино житишко.

Отдала мать Проньку в ученики к мелочнику-лавочнику Ивану Петровичу Зыкову.

Круть был Зыков и „с дурью“ немножко, как признался в письме к матери. С тех пор, когда поступил Пронька в ученье, было лютее, самое горячее в торговле. Трудно приходилось Проньке в первую пору. Сам он рассказывал своему товарищу:

— Здесь, брат, не то, что в деревне—в кочки играть, альбо сабакъ гонять. Здесь, брат, надо быть во каком-то колесомъ вёртеться, а не то и подзатыльниковъ влетитъ.

При словах: „во каком-то“ он сжимал вшутительно кулак и подносил его к носу товарища. Тотъ глубокомысленно запуская палецъ в затылок и, немного подумавъ, рѣшалъ:

— Зато ты гостинцевъ ѣшь сколько хошь.

Этого Пронька не отрицала, а на оборотъ хвастливо фантазировала до безконечности. Тутъ упоминались и „шиколады“, и „мармалады“, и всевозможныя „бомбошки въ красивыхъ коробкахъ“, которые ѣдятъ только „господскія дѣти“. На самомъ дѣлѣ ему удавалось „сбѣгать“, и то весьма рѣдко, паточную карамель или нѣсколько леденцовъ, которые находились за вырубкой въ маленькихъ деревянныхъ ящикахъ.

Зато въ первой частіи его разсказа была сущая правда. Бѣготни и труда для него было не мало. Утромъ вставалъ онъ часовъ въ пять-шесть и бѣжалъ на Гору съ какимъ-либо заказомъ. Затѣмъ чистилъ хозяйскіе сапоги, снималъ съ оконъ тяжелыя ставни, подметалъ и прибиралъ въ лавкѣ. Едва успѣвалъ онъ прибраться, какъ начиналась торговля и снова ему приходилось вѣртіться. Онъ и хлѣбъ изъ пекарни приносилъ въ лавку, и картофель отмѣривалъ, и себѣ отпуская, и корзины съ провизіей по дачамъ разносилъ.

Били его всѣ кому не лѣнь было: и хозяйнѣ, и хозяйка, и подручный Курташъ, дворники, и даже постоянные покупатели Зыкова.

Сначала всѣ эти обиды Пронька принималъ близко къ сердцу и, забравшись, куда нибудь въ уголъ, за бочку съ сельдами, утиралъ грязнымъ рукавомъ катившіяся изъ глазъ слезы. А когда приходила къ нему мать, онъ жаловался ей на свое горькое житіе, просился въ деревню и рѣши-

тельно заявлялъ, что онъ больше здѣсь не останется.

Мать, жалѣла, ласкала его по строго наказанной дѣлать охотно, не баяваться, и уходила, оставляя Проньку одного съ его горемъ.

Время шло. Пронька мало-помалу привыкъ, „околотился“. Пересталъ плакать когда его били, и не сталъ проситься въ деревню.

Подождала осень. Чаше и чаще выпадали дожди; полетѣли съ березъ желтыя листья; потянулись на югъ журавли и гуси, а дачники въ Питеръ. Остались только плотники, сторожа, да десятка два зимогоровъ. Въ эту глухую пору житіе Проньки стало еще хуже, чѣмъ лѣтомъ. Правда, что онъ теперь спалъ больше и работалъ меньше, но зато Иванъ Петровичъ, отъ бездѣлья, чаще напивался пьянымъ и больше „дурилъ“ и издѣвался надъ Пронькой.

Встанетъ Пронька утромъ, приберетъ и подмететъ въ лавочкѣ, вычиститъ хозяйскіе сапоги и сядетъ на крылечкѣ, смотритъ, какъ осень дѣлаетъ свое разрушительное дѣло, слушаетъ, какъ вѣтеръ поетъ въ щеляхъ пустыхъ дачъ. А Иванъ Петровичъ въ это время за прилавкомъ сидитъ скучаетъ, да отъ скуки водку пьетъ, а какъ напьется, такъ и начинаетъ дурить.

— Пронька — реветъ онъ во весь свой пьяный голосъ.

— Что, Иванъ Петровичъ? — откликается Пронька, быстро вбѣгая въ лавку.

— Ты что, мошенникъ, скучаешь все? Да?

— Нѣтъ, Иванъ Петровичъ, мнѣ весело.

— Врешь, подлецъ, скучаешь?

— Нѣтъ не вру, мнѣ право весело, — увѣряетъ Пронька, отличая зная, что если онъ скажетъ „скучаю“, то Иванъ Петровичъ заставитъ его „веселиться“. Однако Зыковъ, не долго думая, категорически рѣшаетъ:

— А коли весело, такъ пляши — и расправивъ свои пушистыя усы, начинаетъ насвистывать плясовую. Притопывая ногой и раскачиваясь въ тактъ музыки, онъ сердито смотритъ на колеблющагося Проньку, готовый каждую минуту подкрѣпить свое приказаніе дѣйствіемъ. Послѣдній, же видя, что воля хозяина не приклонна, медленно топчется на мѣстѣ.

— Жарь веселѣ!.. паршивецъ!.. въ присядку!..

— кричитъ онъ, поощряя Проньку, выдѣлывая языкомъ все новыя и новыя трюки.

Наконецъ онъ, устающъ насвистывать и камадуется:

— Стоп!.. довольно!.. иди чай пить, да смотри теткѣ ничего не говори. — Обрадованный Пронька стремглавъ бѣжитъ въ комнату.

— Ну что, мой-то опять налился? — спрашиваетъ хозяйка.

— Нѣтъ, ничего, все какъ слѣдуетъ.

— Что же у васъ возня такая была?

Пронька смиренно молчалъ.

— Что? да ящики съ крупной передвигали, — нехотя говоритъ Пронька. Но хозяйка ему не вѣритъ и сама идетъ въ лавку „посмотрѣть“. Черезъ минуту она, глѣбная и расстривавшая, съ вшутительнымъ синякомъ подъ глазомъ, камнемъ влетаетъ въ комнату и яростно бросается на Проньку:

— Ахъ ты, стервецъ этакій, ты еще врати!.. — злобно хрипитъ она, хватая Проньку за волосы.

— Ну что? сама подѣлала, а я виноватъ! чего дерешься-то?.. — кричитъ Пронька, отбиваясь изъ рукъ хозяйки.

— Пронька, чаю! — зычно несется изъ лавки.

— Отстань, довольно наливай чаю-то, а то еще попадетъ, опять я виноватъ буду, — продолжаетъ просить Пронька хозяйку, но она вскрикиваетъ и съ такою силою хватается его снова за волосы, что онъ ударяется объ столъ головой. Хозяйка принимается наливать чай.

— На, неси ему!.. — съ злобою говоритъ она — Пусть захлебнется!.. Прорва!..

Пронька несетъ чай.

— Ты что же, стервецъ ябедничать тамъ? а? — грозно спрашиваетъ его Зыковъ.

— Я не ябедничалъ, я сказалъ только, что все какъ слѣдуетъ, а она сама пошла!.. — оправдывается Пронька.

— А!.. кто какъ слѣдуетъ?.. Слышакъ!.. сама пошла!.. я тебѣ покажу, какъ слѣдуетъ!.. паршивецъ — и Пронька получаетъ пару звонкихъ подзатыльниковъ и приказаніе идти колотъ дрова. А Иванъ Петровичъ продолжаетъ „наливаться“ до тѣхъ поръ пока не засыпаетъ на прилавкѣ.

Грошикъ.

Силуэты изъ жизни рабочихъ.

(Этюдъ).

Передъ грозой.

Еще лазурь пылаетъ зноемъ
И яркимъ свѣтомъ, а вдали
Ужъ тучи, словно передъ боемъ,
Край неба грозно облегли

Вокругъ безмолвье и безлюдье,
Смолкаетъ звонкій птичій хоръ.
А лѣсъ-боецъ съ открытой грудью
Стоитъ, грозѣ наперекоръ.

Вотъ вихрь воспрянулъ, закружился,
Сверкнула молнія и громъ,
Какъ тяжкій поѣздъ прокатился
И замеръ въ воздухѣ глухомъ.

И лишь осины легкій трепетъ
Въ зловѣщій слышенъ тишинѣ,
Березокъ робкій, тихій лепетъ
И вздохи бури въ сторонѣ.

И. Кедръ.

Петька, выросшій на задворкахъ пролетарскихъ окраинъ, очень смутно вспоминалъ свою родину.

Красныя гроздыя вишенъ, спускавшіяся черезъ заборъ отъ сосѣда, телушка съ бѣлыми пятнами и кусты зеленой смородины, въ которую онъ прятался — вотъ и все, что осталось въ его памяти.

Съ четырехлѣтняго возраста мать его — старая прачка брала съ собою помогать полоскать бѣлье на рѣчкѣ, развозить къ заказчикамъ и за это одѣвала Петьку въ старые сапоги, пошоенное пальтишко и старый, съ чужой головы, картузъ.

Петька любилъ свою мать — эту худую съ чахоточнымъ лицомъ и впалыми глазами женщину, особенно плакать онъ глядя на ея растрескавшіяся отъ воды руки. Послѣ смерти матери сердобольными жильцами Петька былъ отданъ учиться грамотѣ. Помнитъ Петька, какъ однажды въ зимній вечеръ, когда онъ на короткихъ у желѣзной печки одолевалъ заданные уроки, въ комнату вошла Анисья — старая торговка булками. И сказала ему:

— Ну Петька, бросай свои книги, нечего баклуши-то зря бить, собирайся завтра на фабрику. Помнитъ Петька какъ жалось его маленькое

давящемъ большинствѣ не смогла наша интеллигенція быть вмѣстѣ съ народомъ, быть его разумомъ, быть его совѣстью. Наоборотъ, богатые своими капиталами буржуазные классы нашли въ интеллигенціи неизсякаемые кадры своихъ защитниковъ. Теорія узко-буржуазнаго характера русской революціи... Развѣ это не было насмѣшкой надъ обилиемъ крови въ борьбѣ кровью крестьянствомъ и голодающимъ рабочимъ классомъ. Патентованные носители свѣта и проповѣдники самоотверженнаго патріотизма выхватили изъ пыльного архива своихъ идейныхъ противниковъ доскучныя истрепанные временемъ міровоззрѣнія и ими сбивали съ толку трудящиеся массы. Интеллигенція еще не умерла, какъ творческой источникъ материальныхъ цѣнностей, но она уже не будетъ духовнымъ вождемъ массъ. Пролетаріатъ и крестьянство должны своимъ упорнымъ коллективнымъ трудомъ выковать свое будущее. Особенно огромная тяжесть падаетъ на сознательную часть крестьянства. Городской пролетаріатъ по своей природѣ является могильщикомъ буржуазіи, но крестьянство если сумеетъ окрыпнуть въ мелко-хозяйственныхъ формахъ, а это весьма возможно, то ему нужно слишкомъ высокую культурность, что бы правильно опредѣлить свое мѣсто въ начавшейся социальной революціи.

Хочется вѣрить, что каждый изъ насъ, товарищи, явится умѣлымъ каменщикомъ въ великомъ дѣлѣ строительства нашего завтра. Прочными нитями должны связаться трудящиеся массы и города и деревни. Политическими организациями, техническими курсами, клубами, театрами, библиотеками должны быть устья необъятнаго русскаго поля. Въ каждой деревушкѣ, въ каждомъ кооперативѣ, вездѣ, гдѣ есть хоть какія возможности, должны возникнуть очаги пролетарской культуры. Не съ безсознательнымъ стремленіемъ къ лучшему, а съ яркимъ пониманіемъ своихъ историческихъ задачъ, должны мы творить свою культуру, товарищи. Не одно наше усиліе не должно быть напраснымъ. Вся наша работа въ области литературы, музыки, техн. образованія, живописи, ваянія, научныхъ изслѣдованій и пр. должна быть связана единствомъ нашей цѣли — сознательнымъ достиженіемъ социализма. Не мало уродливыхъ явленій всплываетъ на поверхности забаламученнаго моря нашей жизни. Съ ними предстоитъ борьба. Мы должны тщательно учитывать свои силы, и находить строгія и умѣстныя формы для своей работы. Всѣ свои организационныя, служащими ячейками просвѣт. дѣятельности мы должны строить по тремъ типамъ:

I. Изученіе всѣхъ тѣхъ наукъ, истинны которыхъ не вызываетъ различныхъ толкованій. Математика, языки, естеств. науки и др. Только въ этихъ наукахъ возможно довѣріе къ тѣмъ попутчикамъ,

которые придутъ къ намъ на помощь. Эта первая ступень къ завоеванію положительныхъ знаній.

II. Изученіе всѣхъ тѣхъ наукъ, выводы которыхъ по разному воспринимаются, по разному истолковываются. Сюда должны быть отнесены всѣ науки не успѣвшія застыть въ окончательныхъ формахъ. Исторія, полит. экономія, социологія, психологія и др. Въ изученіи этихъ наукъ слѣдуетъ довѣріе къ попутчикамъ и къ литературнымъ наслѣдованіямъ совершенно недопустимо. Это разработка нашего классоваго самосознанія. Это база для нашей полит. и эконом. борьбы... Путемъ точной провѣрки данныхъ, наша коллективная мысль должна указывать намъ на наши очередные шаги.

III. Созданіе новыхъ наукъ, обоснованныхъ на тѣхъ социальныхъ, психическихъ и космополитическихъ явленіяхъ, которыя еще не могли сдѣлаться предметомъ изученія. Не меньше, если еще не больше, работы предстоитъ и въ области искусства. Передъ нами задачи воспринять красоты минувшаго, оцѣнить состояніе искусства въ настоящемъ и предугадать эстетическіе запросы будущего.

Рухнется страшная жизнь. Умолкаютъ грустные аккорды міровой скорби. Звучать бодрія пѣсни міровой радости. Съ гордо поднятой головой, пойдемъ-те же, товарищи, къ своему Грядущему.

Торскій.

Пѣснь солдата.

Мятелица.

То не бѣлый туманъ въ полѣ стелется,
Не волчица волченка зоветъ,
То бушуетъ и злится мятелица
Бѣлымъ саваномъ поле мятеть...

Стонетъ мечется самкой голодною
Въ чистомъ полѣ не зная преградъ:
Засыпаютъ окопы холодные
И хоронитъ въ сугробахъ солдатъ.

Засыпай, засыпай насъ мятелица!..
Дай въ сугробахъ намъ тихо уснуть!..
Пусть кручина туманомъ не стелется
И не давитъ солдатскую грудь...

Горемика.

Культура и просвѣщеніе.

Въ настоящее время, когда пролетаріатъ побѣдилъ безобразнаго, всепожирающаго дракона — даризма, когда онъ свергаетъ владычество лукаваго и хищнаго капитала, отрывается отъ остатковъ стараго, чернаго Мира, — онъ естественной и исторической необходимостью призванъ творить, строить на развалинахъ былаго, дряхлаго Мира — Миръ новый, красочный... призванъ выковать свое право, кристаллизировать законъ, предлагать эгзистенціальный путь къ общепролетарскому и общечеловѣческому счастью.

Свое высокое призваніе пролетаріатъ сознаетъ и всѣ заданія выполняетъ честно и радостно, не смотря на множество всевозможныхъ препятствій. Прежде всего, величайшимъ тормазомъ его творческой работы, злѣйшимъ врагомъ и громадной преградой на пути, являются: *наличность низкаго уровня грамотности*, какъ слѣдствіе деспотическаго, поповско-жандармскаго строя, когда грамотность, образованіе были доступны лишь немногимъ, и во всякомъ случаѣ, не пролетаріату. Когда школы, университеты, книги, пресса, словомъ, весь духовный капиталъ — находился въ рукахъ враговъ пролетаріата. Когда всякое стремленіе къ *истинному знанію* — каралось тюрьмой и катаргой, всякій смѣлый порывъ къ Свѣту — грозилъ смертной казнью, пресѣкался и искоренялся... И все это продлжалось въ вѣкахъ пролетаріата, съ необычайно яростнымъ рвеніемъ и жестокостью.

Но не смотря на всѣ козни и лютовость враговъ, пролетаріатъ сохранилъ въ себѣ самое главное и цѣнное, чего врагамъ, при всемъ ихъ усердіи, «вырвать съ корнемъ» — не удалось. Пролетаріатъ сохранилъ — неизбывный источникъ энергіи, пламя порыва и стремленіе къ свѣту, къ знанію, неизсякаемую вѣру въ свои силы и торжество побѣды надъ врагомъ... сохранилъ политическую чуткость, глубину философскаго міровоззрѣнія и эстетическаго міроощущенія.

Онъ сохранилъ то яблоко, которое его прародитель снялъ съ древа «Познанія Добра и Зла».

Онъ сохранилъ Огонь украденный у влательца Мировъ титаномъ Прометеемъ. Этотъ безцѣнный Духовный Капиталъ пролетаріата даетъ ему право занять первое и почетное мѣсто. Даетъ силу бороться, побѣждать и утверждаться... Даетъ возможность идти впередъ.

Нужно ли говорить, что лучшимъ и самымъ могучимъ факторомъ въ созидательномъ процессѣ пролетаріата и могучимъ двигателемъ по пути прогресса, новыхъ завоеваній къ конечной цѣли — *Социализму* являются два всеобъемлюща

огненные слова — Культура и Просвѣщеніе. Сфера ихъ вліяній и дѣйствій — безгранична... Горизонты — необозримы... Значеніе и могущество — огромны...

Пролетаріатъ это знаетъ, учитываетъ, и къ его чести, теперь, когда имъ же открыты широкія возможности, стремится разумно и правильно использовать ихъ и воплотить въ реальныя формы. Политическое и классовое чутье, философскій анализъ и эстетическіе запросы, которые онъ сохранилъ въ себѣ, помогаютъ ему изъ вороха грязнаго, гнилого и лишняго выбрать крупинки истиннаго и нужнаго Знанія и Красоты и пересадить на свою здоровую, плодородную почву.

Пролетаріатъ съ первыхъ дней Революціи началъ постепенно и постѣпательно проводить, воплощать въ жизнь все необходимое и возможное и, расширяя и развивая свою дѣятельность, шагъ за шагомъ, приближается къ Великой Цѣли, какъ бы поднимаясь по гигантской лѣстницѣ. На ряду съ колоссальными политическими, государственными переворотами и преобразованіями, пролетаріатъ сдѣлалъ не меньшія достиженія и въ области умственной, духовной... Чтобы убедиться въ этомъ, стоитъ лишь взглянуть, хотя мелькомъ, на цѣлый рядъ имъ организованныхъ и созданныхъ культурныхъ начинаній, на сѣть раскинутыхъ клубовъ, курсовъ, школъ и др. очаговъ свѣта.

Я не имѣю возможности въ этой статьѣ дать полный обзоръ дѣятельности вышеназванныхъ ячеекъ, но не могу не указать на то, что при каждомъ почти клубѣ есть тѣ, или иные вечерніе курсы, занятія, библиотеки, читальни, музыкальные, драматическіе, литературно-художественные и др. кружки. Почти при каждомъ клубѣ есть театральныя залы, гдѣ читаются лекціи, ставятся, и самими же рабочими прекрасно исполняются строго классическія вещи, при выборѣ которыхъ пролетаріатъ ошибокъ не дѣлалъ, ибо онъ сдавалъ послѣдній экзаменъ, здѣсь онъ особенно выпукло обнаружилъ сохранинное имъ тонкое эстетическое, политическое и классовое чутье, богатый запросъ духа, умѣнье отыскать здоровое, облагораживающее и отвести прочь — болѣзное и пошлое. Эту чуткость обнаруживаютъ не только организаторы, передовики, но и рядовые пролетаріи, такъ называемая «масса». На организованныхъ мною, при помощи большинства товарищей, Вечернихъ Общеобразовательныхъ Курсахъ при Петроградскомъ металлическомъ заводѣ, былъ интересный и поучительный случай: преподавательница Русской исторіи Р. А. П. замѣтила, что количество посѣщающихъ быстро сокращается, обратилась ко мнѣ съ предложеніемъ помочь ей выяснитъ причину этого нежелательнаго явленія. Но выяснять мнѣ не пришлось, ибо учащіяся, еще наканунѣ, рѣшили заявить мнѣ и преподаватель-

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на пролетарскій литературно-художественный журналъ

„ГРЯДУЩЕЕ“

поставившій своей цѣлью способствовать выявленію
пролетарскихъ творческихъ силъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

1 годъ.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
12 руб.	6 руб.	3 руб.	1 р.

Цѣна отдѣльнаго № 60 коп.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ВЪ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА

Тамбовская улица, 63—10, Лиговскій Народный Домъ

отъ 6 час. до 8 час. вечера ежедневно.

ПРИЕМЪ ПО ДѢЛАМЪ РЕДАКЦИИ:

отъ 7 час. до 9 час. вечера по Четвергамъ и Воскресеньямъ.

№ 2.

Май—1918 г.

Цѣна 60 к.
на ст. жел. дор. 70 к.

Пролетаріи безъ страха, соединяйтесь!

ГРЯДУЩЕЕ

ПРОЛЕТАРСКІЙ

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Издание „ПРОЛЕТКУЛЬТА“.

Участвуют писатели-рабочіе: Аксень-Ачкасов (И. Садовья), П. Безсалько, Я. Бердников, А. Гастев, Грошик (С. Коньякин), Горемыка (С. Ефремов), В. Игнатов, И. Юнов, В. Кириллов, И. Кедр, И. Кузнецов, Ф. Калинин, Н. Ютсоли, Самобытник (А. Машуров), В. Торскій (В. Царев), Н. Тихомиров, А. Луначарскій, В. Полянский, А. Поморскій и др.

СОДЕРЖАНІЕ:

Первомайскій гимн. В. К.—Злободневные вопросы. В. Полянского. — Вѣнок. — Мы. Стих. Вл. Кириллова.—Революція и искусство. А. Голубь.—Из пѣсен рабочаго. Я. Бердникова.—Городу. Вл. Кириллова.—Любовь. Стих. Самобытника. — Матери. Стих. Горемыки.—Тѣни. (Этюд). А. Поморскаго. — Борьба за творчество. В. Торскаго. — Пѣвцу-пролетарію. Стих. И. Кедра.—Думы. Стих. Горемыки.—В лѣсу. Стих. Н. Ютсоли. — Пролетаріат. Стих. А. Поморскаго.—Задачи пролетарской культуры.—В казармѣ. Стих. Торскаго. — Пролетарскій театр. В. Игнатова. — Башня. А. Гастева. — Весенняя прелюдія. Ф. Грошикова. — На стрѣлках. Грошика. — Весеннія грезы. Самобытника. — Я обвѣян печалью... Стих. Л. Котомки. — Новый пролетарскій орган. — „Под Знамя Правды“. — Къ „Башнѣ“ А. Гастева. — О культурно-просвѣтительномъ отдѣлѣ центральной управы. Е. Богдатева. — О работѣ лекторско-клубнаго отдѣла Пролеткульта. П. К.

Адрес редакціи и конторы: Дворец Пролетарской Культуры, СПБ., Екатерининская, 2.
Открыта по Воскресеньямъ и Четвергамъ от 7 до 9 час. вечера.

М Ы .

Мы несметные, грозные легионы Трудя.
Мы победили пространства морей, океанов
и суши,
Свѣтом искусственных солнц мы зажгли
города,
Пожаром возстаній горят наши гордые души.
Мы во власти мятежного страстного
хмеля,
Пусть кричат нам: „вы палачи красоты“,
Во имя нашего Завтра—сожжем Ра-
фаэля,
Разрушим музеи, растопчем искусства
цѣлѣ,
Мы сбросили тяжесть наслѣдья гнетущаго,
Обезкровленной мудрости мы отвергли
химеры;
Дѣвушки в свѣтлом царствѣ Грядущаго
Будут прекраснѣй Милосской Венеры...
Слезы изсыкли в очах наших, нѣжность
убита,
Позабыли мы запахи трав и весенних
цвѣтов,
Полюбили мы силу паров и мощь
динамита,
Пѣнье сирен и движенье колес и валов.
Породнились с металлоломъ, душою с маши-
нами слиты,

Революція и искусство.

I.

На долю нашего поколѣнія выпало счастье быть
свидѣтелями историческаго процесса—крушенія
старога зданія общественных отношеній со всѣми
его надстройками.

Своими размышлениями по поводу крушенія
одной из этих надстроек я и хочу подѣлиться с
читателем в этой статьѣ.

Буржуазія, раздѣляемая безпощадной конкур-
ренціей и покоясь на принципѣ „священнаго эго-
изма“ и угнетенія других классов, не могла создать
искусства, одухотвореннаго общечеловѣческими
идеалами. Только побѣда пролетаріата в классово-
вой борьбѣ освобождает общество от раздѣляю-
щих его противорѣчій и творит новое, общечело-
вѣческое искусство. Побѣда пролетаріата—это
побѣда новаго принципа общественнаго строи-
тельства; это созданіе новой жизни, которая вы-
зывает новых творцов искусства, всеобъемлющих
и возвышенных творцов, которые объединят все

Мы разучились вздохнуть и томиться о небѣ,
Мы хотим, чтобы всѣ на землѣ были сыты,
Чтобы не было слышно ни стонов, ни во-
плей о хлѣбѣ...

О, поэты-эстеты, клянните Великаго
Хама,

Цѣлуйте обломки былого под нашей
пятакой,

Омойте слезами руины разбитаго храма,
Мы вольны, мы смѣлы, мы дышим иной
красотой.

Мускулы рук наших жаждут гигантской
работы,

Творческой мукой горит коллективная
грудь,

Медом чудесным наполним мы доверху соты,
Нашей планетѣ найдем мы иной, ослѣпи-
тельный путь.

Любим мы жизнь, ся буйный восторг
опьяняющій,

Грозной борьбою, страданьем наш дух
закален,

Все—мы, во всем—мы, мы пламень и
свѣтъ побѣждающій,

Сами себѣ Божество, и Судья, и Закон.

Влад. Кириллов.

человѣчество в одну гармонично организованную
волю, пламенною порывом к творчеству пре-
краснаго и вѣчнаго.

Пусть нам не говорят, что у побѣждающаго
класса нѣтъ этих великих гениев. Пролетаріат, бу-
дучи классом угнетенным, дал буржуазной куль-
турѣ цѣлый ряд творцов. Став господином, он
сумѣет их родить для служенія новой своей
культурѣ. И в самом дѣлѣ. Процесс историче-
скаго развитія, изживая опредѣленную социаль-
ную форму, ставит на очередь два замѣну ея но-
вою, и не какой нибудь, но по своей структурѣ
высшею и усложненною.

Каждый род и тип человѣческаго творчества
имѣет своих выразителей, своих, скажу, великих
математиков, раздѣляющих задачу—созданія фор-
мулы своей эпохи. Они являются, как бы цент-
ром сосредоточеннаго сознанія, порою довольно
смутнаго, о необходимости дать отвѣтъ на воздвиг-
нутыя жизнью проблемы, формулировать, осо-
знать стихійно совершающійся процесс. Именно

разложеніе феодальных отношеній с неизбеж-
ностью должно было дать энциклопедистов
18 столѣтія. Извѣстная ступень развитія буржуаз-
наго общества потребовала расширенія связей с
міром:—и рынки, источники богатств и никому
раньше неизвѣстные Колумбы. Васко-де-Гамы—
тут как тут. Не случайными гостями в свое
время были Леонардо-да-Винчи, Рафаэль и другіе.

Можно до безконечности продолжать эту цѣль,
раздѣленія которой распространились на всѣ
виды человѣческаго творчества.

II.

Но гдѣ же они, спросят, эти будущіе носите-
ли священнаго огня творчества? Но это уже во-
прос конкретный, и чтобы отвѣтить на него, до-
статочно побывать в культурно-просвѣтительных
организациях, кружках и т. п., этих свѣтильни-
ках будущаго, которые, с быстротой одуванчи-
ков, размножаются, покрывая густой сѣтью всѣ
цѣлѣныи труда. Присмотритесь внимательно к пла-
мени этих возгорающихся очагов, увидите, то и
дѣло, ярким блеском вспыхивающія искорки и
вы скажете: „они идут“. И не далеко то время,
когда Русскій музей, Третьяковская галерея,
Лувр, Британскій музей, Большая опера и т. п.
отведут им почетныя мѣста.

III.

Индивидуалистическое искусство буржуазнаго
общества, выросшее на всевластіи капиталисти-
ческой личности, ведущей отчаянную борьбу за
господство на мировом рынкѣ и покоряющей себѣ
цѣлыя арміи тружеников, должно стать достояніем
исторических музеев. Мы говорим: „музеев“, а
не „архивов“, дабы у читателя не составилось
представленія, будто предлагается игнорировать
то громадное наслѣдство, которое нам оставило
прошлое. Наоборот. Его слѣдует серьезно и вни-
мательно изучать; и только таким путем можно
будет правильно намѣтить вѣхи будущаго иску-
ства. Сколько умных голов еще и теперь си-
дят над изученіем великих памятников искусства
Ренессанса*).

Нарождается искусство новой идеологіи, ти-
танической борьбы пролетаріата против буржуа-
зии, и потрясаются капиталистическіе устои ста-
раго міра. Но в условіях русской дѣйстви-
тельности этот мотив, если можно выразиться,
отрицательнаго творчества—уже не достаточен.
Долженствую отдать большую дань этому элемен-
ту, так как борьба еще не завершена, поскольку
сверженному с пьедестала русскому капиталу
спѣшит на помощь всемірный,—искусство, вполнѣ
может уже теперь проявить элементы и положи-

* Так называется эпоха возрожденія наук и иску-
ства послѣ долгой летаргіи, в которой они пребывали
в теченіи безраздѣльнаго господства церкви во всѣх
областях жизни в Средніе Вѣка.

тельнаго творчества. Факт диктатуры на лицо!
Не упуская из виду возможность великих битв
в будущем в рядах интернаціональнаго пролета-
ріата против мировой капиталистической дикта-
туры, а также и происходящія еще у нас битвы
с силами свергнутых богов—послѣдніе заверши-
тельные раскаты великаго боя, исход котораго
уже рѣшен,—не упуская все это из виду, необхо-
димо учесть то обстоятельство, что уже теперь
совершается, еще неподдающаяся учету, в виду
глубины размаха, захватывающаго своей гран-
диозностью, творческая работа строительства
новых начал общественнаго бытія.

Процесс родов закончен.

Идет работа по созданію благоприятных усло-
вій, необходимых организму для его сохраненія и
дальнѣйшаго развитія.

IV.

Буржуазное общество, на зарѣ своей исторіи,
хотя и облаченное в гуманитарную тогу и укра-
шенное всеобъемлющими формулами „свободы“,
„равенства“ и „братства“, уже с самаго перваго
дня своего рожденія одержимо было роковым
недугом—классовыми противорѣчіями. Послѣ
перваго тяжелаго припадка, в іюньскіе дни 48
года поставленный ему великим аналитиком при
помощи діалектическаго метода, диагноз, опредѣ-
лил: „смерть неизбежна“.

На наших глазах гибнет буржуазный деспо-
тизм, захлебываясь в крови и грязи. Мір всту-
пает в полосу великих „бурь и натиска“.

Близится социалистическая эра.

Общество свободнаго Труда, организованное в
стройное и гармоничное цѣлое, во всеоружіи знанія
и искусства, готовится стать единственным творцом
и повелителем как самого себя, так и вѣшняго міра.

А. Голубь.

Из пѣсен рабочаго.

Шуми, вагранка, дуй сильнѣй,
Что-б кончить мнѣ литье скорѣй...
Пусть на опокі от работ
С лица струится градом пот.
Тяжелый воздух давит грудь,
И нѣтъ надежды отдохнуть
Я лить без пѣсни не привык
Чугун расплавленный в летник...
Шуми, вагранка, дуй сильнѣй,
Что-б кончить мнѣ литье скорѣй!
Я вѣрю, близок свѣтлый день,
Исчезнет сумрачная тѣнь,
И буду я под шум стальной
Трудиться с пѣсней иной,
Под солнцем счастья вольно жить,
Мечты в инныя формы лить!

Я. Геронников.

+)V > 4*
) 2 - 4 B)6 a
9%8
P +/ %Fdd 7%_%MU 1 >
Y 4U 4U B +(4
/ 9/ (1 > 4 7U] \$\$
(/
) >)/ \$ 4 * Q1
(U4 2 +(B 4 B +
* - > +U> > 6
/ + B 4M* - / &
4 + 4U - * (
* B 1 + Ba 1 > U 4
+(* (U * K
/ * >>1 4 * N /
1 b 7 d47~IY ?? /*/ /// B, ;9T
S7 - (4 2 4B)V Q1
(+ * 4 (B * (- K
+ * - (- B *
* - U/ B - - -K
>1 5 + 1 %% /1 N
+ -2 > - / - U1
(U4 U - B/ " 4 + *

& ([X % \$..
- G ...
L)) (((
" % D .
"\$ \$ G 8
' kJ !
? % (% !
=: ...
' F Q
Y G %
[[% G \$ \$

A>/ * -U 2
4 17) + V>W
2 (2- (4K
- > * Q U +(
*/ > 4 1 B / 2>
Q +B /
* #1 N 4 4 4 B U
4 2 B N (/ B + B
- 5 dA9 +!8X\$9 X79
) .. \$ % / A7 X7 "d %.
% (+ %/" %%%_%%%. [[dD % [[
(\$! & 0Q

+ (4 9/ - > (
* - * 4 > * > +
2- 4 B > 6 + p
+V / 7 2 +(4
> -B +B - - **
6 U / ' / > 6 B
* 2 B B * (a B/a1
)6 * > + +
+ 1 (U4 * / 8 *(41 W
* (* > 6
2 2 U +(> 1 +
> * - / 8U - N M
* B > 6 B N* (
2> > B > 4 +(> 1
N* * - > 1 > 1
-1 4 B 4 U B > *
> N - 1//36/(bS> JJ(V> (N + Q
* B)V 4 (4 * 4
4 B > +(> /
B > 6 B1 * B
- V >) -1 2 (
> - / &B 4 6 4
- - - 5 4 * a
* U> - > 6 /
T ' (#

.
[[Q\$ \$ ()
@ Q G\$ G
@ % (<
') \$!
55) ((...
7 F G) \$ (
[[) ((...
[[G
' % F ...

2 1<

6 a5 - U - ,
> 6 1 U U)V B ,
.g
+ B (U(*(U V> Q
V > > > B1
> + +(> * 1 *(
% /) % /)5 Q \$ 8%%"U\$% 9/ %%5 li
() > E1 / + *4 V 1 -) (
U 1 * U E * -
N /) 4 4 1 * 4 B > 1
tg >T+B -

+(* a 4 *
> * M* > B * B B
W >1 +B)V> 4 BK
- 4) (2 * -
U2 B* B BV B
> 4 6 (a (/
sg TV)V Y 4 -K
> * * * -) B
U4/ (+ + (4 * -)
> * 6 41 (+ (BK
(1 * 2 >1
V>/ %a - U1 (>
* 4 * U B4 --+1
+ 1 U +(>
* U 4 N 1 (>
[6 U AFI(+I>T W > + ,Q E
(U 4 + + > (K
> + >1(N (U U + -
(+ B(B 4 B
4 + + 4 >) 1 (>
*1 6, B N 1 > 4 U U
> U 1M* 4 4
+ - > /
7 (* >)
* U 1 (4 + -
6U-)1 41 - 44
+U1 / / + - O 4 B Q/ K
(4) B1 4>(
+ --U * U
+(> * > +
6 (> * B 4 /
O B Q1 / / +
+ 1 (2 (1
* 4 /+ - U* 1
N> (a 1
4 4U - 4U a +(> * K
/
^g N * 2 /
* ^g * + -
- 1 * +)V 4 (K
) N >)1 * B 1 + K
-1 + --U 6 K
(+ V W - 1)V a 4
8 2) > (1 /

a 4 + 4 1 +) 2K
+(/ +2 B1 B +2 B
" > + 1 + * (K
\$ (/ T (1 - + 1 (a

+ --U 6 4)K
V 1 (B + -- - * -
2 4 2) (U(
(/
*U- K
- (U 6 1 (> + K
> / U4 - 4 1 *K
-1 -)1 *))
) /
B 4 * * +
) *))6 (- 1
)V +U 6 (> + K
V>1 + 6) 1 **
* U 4 > + 1 B 4 K
2 B M (B +V B1 >
5C/V / F %A F(/ > 1 (1
U * * /
(a - 1 + *
*- 6U
- +V1 * *
4> - U *- 1 T
N U B (4 *
> /
d 1 > 1 *
U 4 B ->+ -
> > 4 + K
* B (4 B4 1 > * K
> 44U/ 4 +V> + K
5 Y 6 * a - * K
%/ > 6 /
X + B 1 2
) 4 - UB - 1
) 5 Y 6 * -
U > /
U - 1E*)
*)) +(> * K
2 1 * 41 4B1 >
+(* B B B 4 224
* B 1 2) + 4
* (- UB - - Ua 1 (B4
1 > a1 U
+(> 1 *K
4B / 5 Y 6 Ba/
D 2#"1< ,, (;

? > 4 - (4T 1
) B4/ 4 B V /
S ((+2 1 *U 4 *U
> B/ % 4 *4 + *U V -
1 + / 7 4) +2 * > +
+ 4B /a1 + aa +2 /

Разныя извѣстія.

В Томскѣ организован цех пролетарских писателей и художников Сибири под названіемъ «Согры», во главѣ котораго встали сибирскіе писатели Антон Сорокин и Всеволод Иванов.

Цехом уже предпринято изданіе газеты «Согры», в передовой статьѣ перваго номера которой читаем:

«На вымыхающих болотах, там, гдѣ были бездонныя глубины,—подымается вверхъ молодая, буйная поросль согры. Пройдетъ время; вмѣсто тонких прутьевъ поросли вырастутъ могучія деревья, и будетъ новая, пышная жизнь Согры, тусклымъ, наполненнымъ запахами гнилыхъ болотъ, с кочкотками, покрытыми осокой, будутъ забыты. Но согры испытали высшее блаженство—воздвигнуть жизнь на болотѣ, на трясинахъ».

Задаваясь цѣлью создать новую, пролетарскую литературу, в частности литературу, газета находитъ, что для того, чтобы прорваться черезъ ту плотину, что составляетъ на сердцѣ пролетариата изъ программъ различныхъ партій, прорваться до духовнаго лица новаго, грядущаго человѣка—нужна исключительная сила, исключительная талантливость... «Здѣсь не будетъ мѣста сантиментальному сожалѣнію или сочувствію; не мѣсто индивидуализму; не мѣсто быту, ибо пролетаріатъ лишенъ бытовыхъ чертъ. Нужно просто новое». «И это новое,—говорятъ пролетарскіе писатели,—мы вѣримъ,—придетъ. С этой вѣрой мы работаемъ и вызываемъ товарищей на работу по созданію культуры пролетаріата».

В Москвѣ с 1-го марта начали выходить «Извѣстія Художественно-Просвѣтительнаго Отдѣла Московскаго Сов. Раб. и Кр. Депутатовъ». Извѣстія имѣютъ форму небольшого журнала в 20 страницъ. Пока вышло 2 №. В журналѣ, кромѣ статей, посвященныхъ вопросамъ пролетарской культуры и искусства, имѣются репродукціи картинъ различныхъ художниковъ, главнымъ образомъ иностранныхъ, изображающихъ борьбу классовъ и другіе мотивы социальнаго характера. В передовой статьѣ «Извѣстія Художественнаго Отдѣла» № 1 ставитъ себѣ рядъ задачъ по созданію пролетарской культуры. Приводимъ выдержку изъ этой статьи:

«Рушится старое, отходитъ в прошлое цѣлая полосо культурной жизни, цѣлый міръ отношеній, настроеній и вѣрованій, закладывается фундаментъ для новаго общественнаго зданія, и в этомъ новомъ общественномъ зданіи искусство займетъ то почетное мѣсто, какое отдели ему в своемъ обиходѣ древніе эллины или меценаты эпохи Возрожденія. В связи с глубокими измѣненіями, совершающимися в недрахъ стараго общества, в глубинахъ перестраиваю-

щейся жизни, передъ художниками встанутъ новыя задачи, новыя открываются передъ искусствомъ перспективы».

«Одной изъ нашихъ задачъ является разработка вопросовъ о путяхъ и цѣляхъ искусства в связи съ новыми формами, в которыя облачается и облечется жизнь подъ организующей и направляющей рукой революціи».

В связи съ перерожденіемъ общественнаго организма передъ художниками встанутъ новыя задачи, новыя встанутъ передъ искусствомъ перспективы».

«И новыя должны явиться творцы художественныхъ цѣнностей. Они должны придти снизу».

«Они придутъ снизу».

«Широкіе слои демократіи и ея красный авангард—пролетаріатъ—явятся не только пассивными воспитателями красоты, творимой для нихъ представителями иныхъ общественныхъ группъ, а будутъ все болѣе становиться однимъ изъ главныхъ создателей того новаго искусства, которое, какъ солнце, взойдетъ снизу, того искусства, которое, какъ сверкающій бриллиантъ, украситъ фронтонъ царства свободнаго труда, того искусства, которое это царство свободнаго труда превратитъ в свѣтлый праздникъ безсмертной красоты».

Интернаціональный вечеръ.

Первый интернаціональный вечеръ во Дворцѣ Пролетарской Культуры 26 мая, в память Карла Маркса, прошелъ при переполненномъ театрѣ, съ большимъ блескомъ. Великолепно исполнены были инсценировка «Прометей» Шелли, нашедшаго себѣ превосходнаго исполнителя в лицѣ артиста т. Игнатовъ; композиторъ т. Озолинъ обнаружилъ крупное дарованіе, положивъ на музыку стихотворенія т.т. Кириллова и Поморскаго и кантату «Памяти Маркса» (слова т. Ленинскаго). Хоры доставили большую духовную радость пролетарской публикѣ, обладающей, в сущности, строгимъ вкусомъ. «Апофеозъ Карла Маркса» также сосредоточилъ на себѣ пристальное вниманіе. Живо картины, рѣчи т.т. Куделли и Заходскаго, стихи т. Кириллова, декламация т. Попова («Мы посягнули» т. Гостева)... Побольше бы такихъ вечеровъ!

25 мая открылся во Дворцѣ Пролетарской Культуры Соціалистическій клубъ.

Пролетаріа всѣхъ странъ, соединитесь!

ГРЯДУЩЕЕ

ПРОЛЕТАРСКІЙ

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ
ИЗДАНІЕ ПРОЛЕТКУЛЬТА.

№ 3.

№ 3.

Участвуютъ—А. Луначарскій, В. Полянский; писатели-рабочіе: Аксен-Ачкасов (И. Садовъ), П. Безсалько, Я. Бердниковъ, А. Гастев, Грошик (С. Копылкин), Горемыка (С. Ефремов), В. Игнатов, И. Юнов, В. Кириллов, И. Кедр, И. Кузнецов, Ф. Калинин, К. Лоптин, Н. Отсоли, Самобытник (А. Маширов), В. Торскій, (В. Царев), П. Тихомиров, А. Поморскій и др.

ПАМЯТИ КАРЛА МАРКСА.

Пророкъ грядущихъ радостныхъ вѣковъ,
Крылатой мысли пламенный титанъ,
Ты бросилъ в міръ мятежно-страстный зовъ:
Возстаньте, угнетенные всѣхъ странъ!
Чудовищу, чье имя—капиталъ,
Ты, мудрый, далъ испытъ смертельный ядъ,
И старый міръ от боли застоналъ,
Предчувствіемъ мучительнымъ объятъ.
Какъ молніи сверкающей изломъ,
Какъ солнце, побѣждающее мракъ,
В ученіи плѣнительномъ твоёмъ
Открылся намъ спасительный маякъ.
Твои мечты, какъ стаи алыхъ птицъ,

Дыханьемъ радости над міромъ пронеслись—
Навстрѣчу имъ, какъ зарево зарницъ,
Костры возстаній къ небу поднялись.
Над ужасомъ московскихъ баррикадъ
В тотъ страшный часъ не твой-ли рѣялъ духъ?
Парижъ... Коммуна... Красный Петроградъ
Еще не разъ взволнуютъ братскій слухъ...
Пророкъ грядущихъ солнечныхъ вѣковъ,
Могучей мысли пламенный титанъ,
Ты бросилъ в міръ великій властный зовъ:
Возстаньте, пролетаріи всѣхъ странъ!

Владимиръ Кирилловъ.

Къ вопросу о пониманіи пролетарской культуры.

Многіе читатели серьезно думаютъ, что вопросы о пролетарской культурѣ—очень туманные и нелѣпыя вопросы. На томъ простомъ основаніи, что ни пролетарской, ни буржуазной культуры не существуетъ, а существуетъ, вообще, культура.

В свое время нашу рѣчь украшало одно очень глубокомысленное слово—истина! Произносившій это слово былъ убѣжденъ, что его «истина» всѣми приемлема и всѣми прекрасно понимаема.

Философская критика, подвергнувъ это понятіе испытанію, говоритъ намъ, что истина конкретна и что «истины», вообще, не существуетъ.

Такъ-же расплывчато и смутно слово «культура», если его не конкретизировать.

Какая культура, в чемъ культура и чья культура?

Вотъ неизбежные вопросы для всякаго, кто не хочетъ находиться в туманностяхъ общихъ словъ.

Если мы смотрим на персидские или ассирийские стелы барельефов дворцов, на колоссальные высечки в скалах, на египетские пирамиды или даже на римские колонны храмов, то мы не сомневаемся, что данное искусство — культуры царей победителей.

Культивировалось оно с целью убедить народы в вѣчности и могучей силѣ царей и их потомков.

Интересен вопрос — была ли в то время у высших классов своя культура, мораль, искусство? Или они воспитывались на чуждой и враждебной им культурѣ высших классов?

На это нужно ответить — да, была. Ибо в противном случаѣ древнія монархіи никогда бы не распались.

В то время, как искусство и религія богатых классов подавляли дух и волю народа, культура бѣдных искала выхода из тисков и нравственной духоты культуры высших классов.

Принципу — раздѣляй народы на націи, на вѣры и властивы, противопоставлялось — бѣдные всѣх націй между собою братья.

Принципу частной собственности дѣлалось напоминание, что верблюда легче пройти в игольное ушко, чѣм богатому — в царство небесное.

Древній мір огромных династій был разрушен культурою рабов.

Рабы, гладиаторы отказались друг друга убивать.

Никто не хотѣл идти на войну, войска отказались защищать царства тиранов. Всѣ народы охвачены были христіанством.

Христіанство — этот анти-государственный строй рабов, укрѣпляясь, стремилось уничтожить всѣ слѣды культуры богатых классов, их богов — Ваалов, Юпитеров, Зевсов и все то, что напоминало им о прежнем их порабощеніи.

На мѣсто собственности вводится коммунизм. Роскоши смѣняются простотой жизни! Национальная вражда — любовью. Ритуалы уничтожены, и сама религія отминаясь. На мѣсто бога ставится человек — человек-труженик.

Но вот чистота народных принципов мутится всѣми, кто, под видом служителей народной культуры, служил своим корыстным дѣлам.

Постепенно все раставрируется.

Сына плотника сдѣлали богом, его происхождение нашли слишком низким, и родословную придумали ему от царя Давида. Собственность вновь стала священной. Кардиналы, папы, цари опять увѣковѣчивают себя в живописи, мѣди и мраморѣ.

Наступает эпоха Ренессанса. Старые боги ожидают. Из под мусора времен извлекаются руины. Безносые статуи ставятся в музеи, изучаются. Они являются прекрасными образцами новаго искусства, искусства Медичисов, Висконти, Сфорца,

миланскаго и флорентинскаго купечества, а за ним всего торговаго и военнаго міра.

Эпоха возрожденія убивает средневѣковое христіанство. Оно уже фикція. Зерно орѣха сгнило давно, раскалывается и сама скорлупа. С этих пор под видом Іоанна Крестителя рисуют Ваха, Іисус отождествляется с Діонисом, Мадонны похожи уже на жриц любви. От религіи остались горячія свѣчи, кадящій ладан, хоралы, пышные обряды и лицемѣрные призывы прощать обиды своим притѣснителям за мѣсто там... гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханій...

Торжествующая культура богатѣющих торговцев дождала до пышнаго расцвѣта капитализма. Но вот в нѣдрах капиталистической культуры с недавних пор начала развиваться социалистическая культура, носителем которой явился пролетаріат: новый класс, который, по выраженію Маркса, должен стать могильщиком буржуазнаго общества, буржуазной культуры.

Силы и значеніе новаго класса возрастают с каждым днем. Современные событія показывают нам, что между буржуазіей и пролетаріатом происходит отчаянная схватка за свое мировое господство. Борьба в области экономики и политики неизбежно должна проникнуть и в область духовной культуры.

Мы, рабочіе, первые должны начать переоцѣнку всѣх духовных и религіозно-этических цѣнностей.

Против экономической силы буржуазіи мы выдвинули свою организованность.

Формѣ государственной эксплуатаціи мы нанесли смертельный удар.

Всегообщее, прямое и тайное оглушеніе и ослѣпленіе мы осмѣли и научили народныя массы трезво смотрѣть на вещи.

Теперь же, из области, так сказать, вещественно-физической мы должны борьбу свою перенести в область культурную.

Но что представляет из себя пролетаріат в смыслѣ духовном? Кого он может выдвинуть против буржуазных и интеллигентских богатырей духа — Толстого, Достоевскаго, Михайловскаго и др.?

Вѣдь, задача тут не только в прямом отрицаніи, а преодоленіи их посредством своей пролетарской культуры, в выявленіи своих духовных цѣнностей, которая, на подобіе яркаго солнца, затмили бы свѣтъ буржуазных звѣзд.

Я уже чувствую возраженіе читателя — ну, какой же писатель буржуазіи Толстой? Он общечеловѣчскій.

В настоящее время, кромѣ буржуазіи и пролетаріата, существуют еще промежуточные классы — мѣщане, интеллигенція, умирающее дворянство.

Классовая борьба очень болѣзненно отражается на этих промежутокх. Они инстинктивно чув-

ствуют свою гибель от побѣды той или другой стороны.

И вот они, как безумные, носятся со своими проклятиями устройства міра и мира. Они называют себя надклассовыми или общечеловѣческими гениями и выступают в роли примирителей и обламывателей острых углов.

Но, в сущности, они стремятся лишь к тому, чтобы сохранить древнія формации буржуазнаго устройства.

Пролетарская критика должна вскрыть всю истинную подоплеку всѣх этих «общечеловѣческих» писателей и мыслителей. Она должна очистить путь пролетарским творцам от непроходимой надклассовой заросли.

Представители пролетарской культуры, на подобіе того, как эпоха ренессанса изучала и собирала образцы языческаго творчества, так и они должны собирать и изучать образцы народнаго творчества. Это откроет нам совершенно новый и оригинальный мір — искусства и мудрости.

Этот кладъ народнаго творчества будет неисчерпаемой сокровищницей для творцов пролетарской культуры.

Какое же идейное содержаніе должен придать пролетаріат своему творчеству? Да, несомнѣнно, такое, какое вытекает из всей его экономической и правовой жизни.

А именно: в отрицаніи основ буржуазнаго общества — частной собственности, в отрицаніи государства, как института классоваго господства.

В отрицаніи религіи — затемнителей народнаго сознанія.

Словом, пролетарская культура должна отбросить то, что буржуазная устанавливает. И никогда она не должна говорить «да» там, гдѣ говорит «да» буржуазная.

«Никакой преемственности, — скажут нам: — вы, значит, как дикіе христіане первых вѣков будете уничтожать всѣ памятники буржуазнаго искусства?»

Да, кое-что мы разрушим, если это «кое-что» дерзкіе монументы на площадях.

Развалятся, вѣрно, и церкви, которыя мы перестанем посѣщать. Навѣрное, и многіе дворцы, которые устроены так, что и одному в нем неудобно жить, а присматривать за ним нужно отъѣзжать! Мы не будем тратить огромныя средства на поддержаніе такого архитектурнаго идиотства.

Да, мы не будем зажигать костры из буржуазной литературы, но, навѣрное, знаменитые теперь романы нами никогда не переиздадутся.

И многое буржуазное и интеллигентское только обезцѣнится, что его никто уже не будет ни хранить, ни цѣнить.

Ибо, как говорит наш пролетарскій поэт:

«Дышущи в свѣтломъ царствѣ Грядущаго
Будутъ прекраснѣй Милосекой Венеры...»

«Это понятно. Развѣ могут трудовой психикѣ пролетаріата понравиться картины различных баталій?»

И не противны ли его нутру всѣ эти больныя, разбѣженные позы, лица, глаза всѣх полотен художников от декаданса?

В настоящее время часто говорят о кризисѣ театра.

Можно с увѣренностью сказать, что театр буржуазный умрет, ибо на 9/10 современнаго репертуара рабочій не пойдет.

Театр должен стать пролетарским, только тогда он получит новыя силы для жизни.

Противная сторона может сказать — но гдѣ ваши силы? Гдѣ ваше искусство? Давайте его! Мы привѣтствуем его, но его у вас нѣтъ!

Все лицемѣрные и неумныя слова. Вам нашего искусства не надо, но вы убѣждены, что мы его не создадим. Но это заблужденіе: великій класс, побѣдив вас экономически, побѣдит вас и культурно.

С той поры, как красноармеец вернется с войны, с той поры, как рабочій и крестьянин побѣдят голод, начнется расцвѣтъ нашей культуры, нашего искусства. В нашу жизнь и в нашу смерть мы вѣрим непоколебимо.

Подготовительную, собирательную культурную работу пролетаріат ведет и сейчас. Он много сейчас думает над вопросами народнаго образованія. Вы развѣ не чувствуете, что классическая школа доживает свои послѣдніе дни? Прощайте, Гогаціи. Рабочіе поэты, писатели образовывают свои общества.

Обсуждают вопросы, связанные с пролетарским искусством, издают сборники своих произведеній, подумывают о коренном измѣненіи театрального дѣла.

Какія формы примет все это — мы не знаем. Знаем лишь, что форма тѣсно связана с содержаніем.

Коллективное творчество найдет свое содержаніе, найдет и форму.

Если кто обезпечен тѣм, что пролетарскіе творцы не стараются заполнить пустоту, которая отдѣляет творчество новое от стараго, мы скажем — тѣм лучше, не нужно преемственной связи.

П. Безсалько.

Кузнец.

Схватив руками крѣпкій молот,
В стальную глыбу он стучит...
Кругом темно... Зловѣщій холод
Ему гибели грозит.

t

? . " ' @ & & /

+ F G ,./ 01

$$+ F_{-,\dots}/0$$

? . " ' @ & & /

S

A> }71 }7///
, , !
, .
.
8U(B * 4B -/
T" 2 B ? & 2 1<
.
8 M * 4 V *
Y 4] +- B * 4
+ (1 > B * T
(B + + -2) B /
(4 > + *
4> * (U B B) *)
(- -/ 5 + +
> * V 4U U(
> U 4> - ** a) / \$
) U)V Y 4 * K
B (- > 4 (/
\$ 4 (2 * + +- K
U Y 4 1 (-
)V a 1 (4 (B - K
+ -/) 4 4 4 / #
% % d % % % Z . " 9 4 1 (Y 4 B
B Y 2 4 1 * > V
> 4 * (U) B UK
B !> B, 4 4 > 4 (4 * + (Y 4 1
+ U B(4 > B
(- B Y 4 1 *
(- V /
E > B B * 2 (- B
(- + > / 6U 4
Y 4 / \$ 4 B - 4
Y 4 / > - -1 + B
* Y -2 + 1 + >
* 4 2- U 1 * K
*) e * B * / 9 / + (1 U -
+ 4 + 4, K
2)V > * (>
B
? + (- (- U 1
B) > + B 4 \$ K
4 B -) * * - (* / B B B 4 >
* 4 * * U * 4 U -)
- 1 4 * +
- * N * 1 1

) B 4 4 Y 4 + * K
 1 / 4 (Y 4 1 U
 + / 5 U) 1 N -K
 (+ U /
 d > (* * 4 * / K
 + * - 4 -2 > * B/
 * + B 4 + 4 + -+1
)(4 * B - B
 1 B 4 > (/
 ' + (> - *) +
 * U - * U(B, - > K
 -)/ - V *-) 1 (B () 1
) > B - B/
 & + (* -1 * N B +B
 U -) +1 * B
 1 2 > > * * -
 6 4 1 V 4) K
 B B U) V B Y 4 / X B (1 (
 Y 4 B B * * 4) 1 U 1 * K
 B * (4 B
 1 > 1 -
) 4+ 6) Y 4 1 B + -2
 B -) > / 1
 * - - a * Y 4
 0 Z 2 B L 1 1 U K
 B B B > 6 / 7 * -
 + (> * N -B 4 K
 (> + - -) 1 B 4
 - V - U 4 -
 * (- > B /
 4 1 + 1 K
 () B > 4 4 1 > * - (
 4 B - - 4 - / 5 > B
 +B) B - 4 >
 1 > (4 4 / 5 -6 * K
 > * 1 > P J 2 J 3 " 2 J "
 B - 4 4 1 4 U 4 2
 > 1 > > B - 2 B K
) V 4 B (4 (6 6 U 0 U K
 > / 5 - + 1 (4 4
 \$ > - U 2 + * B -
 5 -6 + - 4 > T > + 4 / 1
 * N 5 -6 N - * 4 B
 (/
 ! 4 0 U 4 > 4 >
 4 (4 1 4 U 1 2 > * B
 5 -6 1 > + -
 B > B / 5 -6 V 4 > * B -
 6 U 4 1 4 0 U K
 > + 2 -B / \$ N
 4 B 4 > B - B 4
 4 > B 4 * > * (B 1
 + - > + B V 4 5 -6
 4 > 4 1 + V 2
 4 - 1 4 6 U * >
 + > B - B 4 - B - B
 > + 4 2 4 * B B 4 1 K
 4 4 0 U 4 /

" U * > (* K
2 > 4 > * B 9/ - > /
g/ - * > * 1 1 4
B 1 2 * U) V / 7U B B - K
) 4 + B6
P4 4 - P J2 J 3 " 2 J 3 2
w > 1 > + - 4
4 > + B/ 5 - 9/ -
(+ - B 4 1 + (4 1 K
B N > * 1 4 B 2 4 4 * K
) 1 B) * (-) B - /
- * B 6 2 (1
(/ + 4
(+ 4 > + U/] K
(B (4 > * B
4U 2 * 1 B
{ * * 4 V) V > + / A +
* U - * 2 > B + 1
2 4 * B * U - B
+ / 9/ - * U * 1 * U (
** + B + (* 1 4U
> 1 (+ * * + 4 * 1
U - 6 (> / 2 LdU E1
L E1 L9 U 5 4B E 6U
B > * 1 + B
* + - 2 1 * - -
+ + * B 6
+ (1 B * > 6
/ 2 4 4/ 9/ - * * (+ U > * >
4 - 2 > * B1 L (4 B
U 4 B E1 * - > B
(B) / " U - ** + -
> 46 + B 1
> / B - 4 2 4 2 K
2 > B > * B 1 U - 4
U (> - > B/
7 * + U > + (* B B
- B 4 * N 4 5) 4 & 4/
\$ 4 B * 4 - 1 * *
(2 * 2 B > * 2 > > K
- (- B > /
8 4 U > 1 (+ - * B (
 % G - B > 4 Y > 1 4
* T 4 > 1 5) &
* * (N 4 * * 2 > *
) V B + > 6 1
U - 4 4 * 4 > B4 K
B * /
4U 4 * - - 2 1
4 B1 - N / 8 * Y 4
> B + U - >
> > * 4 - 2 > * B
(B /
9 * B 4 / (B + (> * B
* - M - * B + V > - K
> B 1 > 1 Y 4 U (
OPP 1 M > + 4 B >
W (> * B4) B - 6 4 4 ,

A 4 B - 4 2 1
B - B - 4 q 4
> 4 (4 1 * +U K
Y 4U
[B ! "& &

.

,

,

,

.

,—

,

,

,

.

,—

,

,

-

,

,

,

...

,

,

-

,

,

,—

,

,

.

,

,

,

.

,

,

,

.

—

,

-

,

,

.

? " =#&# !# #" "

/

.

8 B *

> > - 1 B/ 0 - 9 B

B>/ hh> B Y 4 * B 6U

N 4 (> - > +

/

Этот принцип мы примѣняем во взаимоотношеніи между формой и содержаніем и говорим — литературный стиль тѣсно зависит от сути или содержанія, которое вкладывает творец в свое произведение.

Когда мысль архитектора стремится к небу, а чувство к Богу, он пострит храм, своды котораго будут убагивать ввышину. Если же он будет думать о лошадях — он пострит прочную конюшню. Правда, были времена, когда завоеватели превращали храмы в конюшни, но никто и никогда еще не строил конюшен в византийском или готическом стилѣ, на подобіе Реймского собора или церкви Св. Софій. У одного и того-же архитектора стиль для лошадей и для Бога будет различен.

Композитор, чтобы написать партитуру на тему „рай и ад“, неизбежно в одном случаѣ будет создавать произведение на гармоніи, другое на какафоніи. Потому что в его умѣ рай ассоциируется с божественным порядком, ад — с хаосом. Если стиль или музыкальные принципы переишь, выйдет „кошунство и чертовщина“.

Еще примѣр: возможно, что творческіе приемы „кубистов“ хороши при писаніи уличных плакатов; но если „кубист“ напишет „Божію Матерь“ в четырех измѣреніях, его назовут сумасшедшим.

Один стиль хорош в одном случаѣ, другой в другом. В зависимости от содержанія.

Если кто говорит: стиль романов Достоевскаго мнѣ не нравится, смѣло можно утверждать, что ему не нравится и содержаніе. Или что этот человек в литературѣ ничего не понимает. Без „длины“ психологических углубленій не достигнешь. Чѣм глубже колодезь, тѣм длиннѣй нужна веревка. Отрывочными фразами или, как в пустых романах, многоточіями, тут ничего не скажешь. Стиль Достоевскаго утомителен лишь для тѣх, кому трудно блуждать в лабиринтѣ человеческой души.

И очень странно бывает, когда „старшіе братья“ в литературѣ совѣтуют писателям из народа: учитесь, учитесь писать. И предлагают готовые трафареты: Чехова, Лѣскова, Короленко.

Почему „старшіе“ предлагают учиться у этих писателей, а не у других, я думаю, что это и для них самих загадка. Не зная того, о чем будет писать писатель-работчик, развѣ можно предлагать ему: форма Чехова будет тебѣ подходяща, а Толстого неподходяща.

Писатель только чреват, а „старшій“, как опытный акушер, уже говорит — родишь мальчика, займи для него шанценку у Лѣскова.

А вдруг шанка да не по Сенькѣ. Что тогда? Нѣтъ, „старшіе братья“, рабочий-писатель должен не учиться, а творить. То есть, выявлять себя, свою оригинальность и свою классовую сущность.

Не говорите ему о формѣ, а требуйте от него содержаніе.

Его классовое содержаніе, а не позаимствованное у Лѣскова или Чехова.

Каким же образом писатель-работчик выявит самого себя? Прежде всего он должен хорошо знать всеобщую и русскую исторію, исторію культуры, исторію политической экономіи, міровую исторію рабочего социалистическаго движенія, исторію религій и исторію искусства, одним словом, писатель-работчик должен быть культурным человеком в полном смыслѣ этого слова.

Общее и классовое образованіе нужно рабочему творцу. И когда он будет понимать роль и значеніе свое в современном обществѣ, тогда он может писать. Не писать — творить.

Ухо его будет чутко. И как древній грек писал стихи по ритму бѣгущих к берегу волн, так и наш поэт в своих стихах уловит родной нам ритм машин и валов. И сколь разнообразны и причудливы звуки металла, столь богат звуковыми красками будет стих нашего поэта.

Беллетрист охватит своим умственным взором всѣ изгибы рабочего пути, всю колоссальность и значительность нашего бытія.

Драматург возведет нас на самыя доступныя солнечныя вершины, а затѣм свергнет нас в пучину ужасающей бездны, чтобы показать всю трагедію духа борющагося пролетариата.

И рожденнаго нашими творцами малютку великана можно ли обрядить в поношенный костюмчик из лавочки буржуазных воспріимников — Лѣскова, Чехова?

По всей вѣроятности, нѣтъ. Не льют вина новаго в мѣхи старые. Рабочим-писателям не гоже быть на веревочкѣ или на выучкѣ у писателей буржуазных.

До Пушкина русская литература была на выучкѣ у французской. И в этом было мало толку. Пушкин отринул французов, пренебрег выучкой и подражаніем и постарался стать на родную національную почву. В этом русская критика усматривает большую заслугу гениальнаго поэта.

Послѣдую же примѣру Пушкина, станем на родную нам классовую почву. Если нам нельзя отригнуть наших предшественников, національно-буржуазных писателей, побѣдим их нашей культурой и культурностью, затѣм их нашими познаніями и идеалами.

В самом дѣлѣ: не кажутся-ли нам, рабочим, многія „глубочайшія истины“, изреченныя мудрым Достоевским, уже отжившими? И не улыбаемся-ли мы благосклонно на многія „благо-глупости“ Толстого.

Будем увѣрены в своем классовом творествѣ. Выявим себя внутренне, а внѣшнее искусство само образуется. Ибо, еще раз утверждаю, кто думает о скотах, тот не пострит храма и, наоборот, чья мысль несется к небу, тот не сдавит своей головы потолком конюшни.

Содержаніе от формы не отдѣлимо. Как форма от содержанія. Если кто против этого спорит и заявляет, что форма не связана с содержаніем и может существовать (радуя наши чувства) сама по себѣ, что-ж согласимся с ним — вѣдь есть на свѣтѣ умы не по содержанію, а по одному лишь названію.

П. Безсалько.

Простыя слова.

Бродить по тропинкам лѣсным,
Напитаться юльскаго зноя,
Броситься в рѣчку,
Безоблачно грезить
Под тихіе всплески
Волны голубой;
Улыбнуться ребенку
Рѣзвому, с глазами
Сѣрыми и улыбкой радостной,
Незнакомому прохожему,
Черноволосому, смуглому,
С суровымъ лицом,
Кинуть пригоршню
Привѣтливых слов и улыбок
И вызвать в лицѣ его — Радость;
Дѣвичьим милым смѣхом звенящим
Сердце свое чаровать
И в лазури без граней
Взоры свои утопить.

И слиться с безконечностью,
Пропѣвъ пѣсенку
Созерцанію
Тихому,
Нѣжному!

Леоній Котомка.

Въ апрѣлѣ.

По дугу возлѣ Иржинова шагает его слабо очерченная тѣнь на празелени, чуть золотѣющей от солнца, спрятаннаго за слоистой бѣлѣющей пеленой, сплошь укутавшей небо. Вѣтерок на просторѣ набѣгает, обѣивает внешней прохладой. И всюду в дѣлах — лѣса, оголенные, расцѣпывающіеся сѣрыми и бурными сѣтками вершин. Кроткое что-то, апрѣльское, скромно-блѣдное смотрит от лѣсов и лугов и полей и радуется душой предчувствіем скорого расцвѣта. Все готово — вот, вот один только теплый солнечный день, —

и все тут будет другое, зацвѣтет все, зазеленѣет пышно, напоит ароматом воздух весенній. А пока в холодильном воздухѣ тонкіе запахи земли, тронутый плугом, и еще чего-то болотнаго.

Иржинов входит в деревню. Тут, по случаю праздничнаго утра, тихо, невидно никого. Только жеребчики-стригунки, выпущенные погулять на улицу, гоняются друг за другом, да у дворовъ копошатся куры.

Филью застал Иржинов дома — одѣвается, собирается. Мать с дочерью хлопчут около самовара, стола, а дѣда, сѣдой старик, лежит на лежанкѣ. На столѣ появляются сливки, масло сливочное, раздѣланное искусной рукой Катин видѣ цвѣтка, яйца крупица, сырая, горькой наложенная на блюди, и лепешки сдобныя съ творогом. Садятся за стол. Иржинова, как гостя, сажают в красный угол.

— Тышь, Волода! — пѣвуче кричит тенором дѣда Троша: — не жалѣй, у нас много этого добра, свое, неповторимое, — он подкладывает Иржинову яйца. — Ишь, как тебя въ Питерѣ заморили, тышь, поправляйся, — поет дѣда Троша: — теперь, брат, у нас все есть. Прежде ваши городскіе пріѣзжіе, бывало, нам говорили: „вот, дураки, ломают себя на работѣ“. А теперь сами всѣ сюда бросились, да только взяться-то им не с чего. Корова вон тыщу рублей самая што, ни на есть, обнаковенная стоит. Теперь хлѣба ему бы за сѣять, ан у него не то что на сѣмьны, но и на сѣмьны нѣтъ ничего, лошади нѣтъ, а пахарь-то наемный вот — дешевле тридцати рублей за день не пойдет к тебѣ нином. Так вот они и крутятся теперь, как раки на мели. А я-то, дурак-то вот сижу с хлѣбом, и все у меня есть. Ему же и продашь еще при случаѣ. Да, сто двадцать рублей за пуд ржи дают. За мѣру картошки тридцать рублей, только давай. Тышь, тышь, Волода, — потчует дѣда Троша.

А Иржинов уже и без потчеванья увлекся чудесным сливочным маслом со свѣжим хлѣбом.

— Да, вот бѣгут сюда, — продолжает дѣда Троша: — оттого что ничего не стало в Рассетѣ: ни хлѣба, ни желѣза, ничего. И куда только дѣлось? Ситца вон нѣту, а вѣдь сколько его за прежніе годы нарабатили — куда все это ушло? Теперь, скажем, хлѣба и всего прочаго сколько у нас донреж того было, а теперь нѣтъ ничего — что же мы в три горла, что ли, ѣдим? Я так думаю, Волода, что весь этот безпорядок от большевиков наших пошел. Захватили фабрики, заводы — сами будем хозяева. Вот те и хозяева — и закрыли всѣ фабрики, ничего и не могут наладить. Теперь нашему брату дали волю: бери имѣніе, грабѣ, тащи, жги — к чему это? Оно бы никуда не ушло — все бы и было наше, кабы толком-то все это прибрать къ рукам.

— Постой, постой, дѣда Троша, — прорвало Иржи-

E1 > * 4 () B
E/ O /S E 1 -1 + 1
P Ye B + - U * (O+ > K
) Q/ 7* - 4 / 81
V1 4 B 1 (B
T d 89 !5!\$.91 B >) N * 4 1
(-E eGE(* - * *4 V B 2 > K
6 / 9 4 * B 1 U -
O (6U U2 > - K
) 544 2 / "B 6 2> K
2 > 6 -> 1 U
"4 1 4 1 > -B *
E4/ U2 * - / . (/
QU> U B 4 4/ ?+(2 K
4U / -1 + B * + * /
) -1 \$ B -W (/Q1 * B
* B / 6/ >) * -1
* /a,b
5 -B N 4 * 1
* 2 + /
\$*> +(1 > K
(,

M 9 1 V 1 4 - > 1 * K
4 (4 4 * 4 4/
4 * 4 H 0 * * 4 > -
T/
5 * (- * K
6 * (/
U - * N *
> 8 VB- + B1 * > /
> 2-1 2 -/
M 8 V 4 V 1 N
/ (V
U- +> / 9 - N 4
- 11 (> 4/M 4
4 > 1 1 + 1 + ,M 2-
A +> 7T_-Z 9 \$ 4\$ " - c7"r9 4 7.
44 41 + > 1
4 > 1 + 21 2H 7
> H
4UB B U ,
M] 2/
F (#

9 %

G .

7 - U* 1 - 1 K
2 B) 1 2 4
B BV (-
(-4 1 4U) + - > B 1
B- -1 (* B) 6 K
2- 2 /
\$U 1 * B) 6 B 1
B B B > 1 > B
B B B U2 - + -+U
+(> 1 - *
> + (+ 4) V (B/
N + B * -) 1 * 4 4
Y 4
> + ~ /
0 U + (B+ - ;<u > 1 >
U* B > + * +
B B B * (2 5 - K
_U 8 U 1 U
N > (2 > M,r B+ B1 4U 1
+ 2 - *) +V >) > K
) 5 Y 6) 5 -
U - > 6 1 - Y\$ 4
*) 5 - _U M_
+ B)V >) Y 4 + (> K
B/) V) B 4 * K
4 B - 4 -
5 - /
(,r1 ;u ;< B+ B1
4 B - 4 (4 B4 K
> + /a B >
+ (> * B U B 4
4 B - > B * K
5 - 1 (* UK
V B * B + (4 + 4 6
(4 U1 ((U BK
V > 1 6) V > * (* 4U >
V * + 4
* 4 (1 > M > %%
- /
- U > %%
- 1) 6 U4 4 4
> 1 (U + B
* (> N K
4 (> > 1 > > 1
- 4 B - U 4 > + (>
/ - * 4 1 (* B) K
6 B - > + - B1
U2 B Y 6 > > K
> -
* 4 4/
8 B *) + -+ + 4 -
U 8 1 - 6 * K
+ (> 1 2 + B

B ** > + (> U 1 K
-) 6 4B * -
U2 5 - U -
Y 1 * * B(B **
*) (>) V > B B
+ * (- 1 * 4B B1
(4 * B * K
> -) + (> 1
* (Y 4 B B B1 * > 1
* UV * 2 + (4
> U 4 (4
) 6 > * 1 U * 1 + K
) * 4 4 * 4 C
E41 * BV 4 4 + (> 1 B
U4 U41 +) 6 K
4 > + -+U
1 B
U BV B1 (/
1 () 6 > * U
* 1 (> - (> U 1 4 +U - -)
* > 2 2 B+ B ;<u > / 4-
+ (4UB 6 /
+ 2 - i) \ \$+ G W
>) 5 Y 6) * 5 -
%% U - > 6 1 > \ Q
* 4 4 - 4
Y 1 * U 4 B - +
- 1
B+ U ;<u > V - > -1
+ 1 2 4 B - 4 B4 K
+ (> * > 2- 4-4UB 6 /
8 * B U 4 +) 6
U ,
:g * " 6 5 - 1 * K
* B (/
! U - U + ((1
B 2 (1 * > 44 K
- + * * U
6 (> + B * B
U > 4 (> 4 U B
+ (* N * 1) V
* B)V B B(N 4 4B
(B/
+ (1 B - K
) V 6 B4 >
) # 4 /
+ (* U 6 1 2
+ U ;c - - (* \$W
(4 > 6 BE/
+ (> 4 * U) 6 + -+U
/
2 + (1 4 V) UK
* B2 N > 4 * U

? & 73#)) 6B 2 /

& % + !) !
' G) Q 8
? . \$...
' \$((F \$) ...
% F... \$...
[[... X.. ? GX ? XX
?) ((...
L ! (...
| \$ \$... ' J ...
& \$((% (...
[[Q R Q) ...
? . \$ (X.. XX
" GQ\$!
" (.
L % F \$! \$ J
F \$
53 !
.G) !.
| \$ % F ...
Vg \$... \$!) !
' \$

- (% ! (!
") () % !
[[) () % !
& N (F F .
' % ! !
[[% ! 8
\\ ! ! F) !
" ! % Q Q .
Z !...
? \$) % J
LF \$ \$... \$...
\$ \$.
?) ! % !
\$ \$
" \$ F
" G G) ...
[[R% \$R !.
> (\$ 8
L) \$
[\ \$ Q X..
X XX) Q
? (! 9 & R
)) \$ X) F (!
? G ...

2 - / % (
3 Y- g/

< ' !?: < F' G G < A

9 <

G () (F ...
(8 .) % F ...
(-)% 7h7t>c.
...

* «) »

»!

« » «

&

» * «. «4 *9.

: «

», « , , »

»

«*

!

%

I

(^

(

«

»,

«

».

II - ?

?

<-

& ! .

]cd] d.

II

17 9

) (((8

% \$ (+

" ! .

" % ! !

(% !

9)% \$!

F \$ (! !.

\$

? (< " \$

L !

/ %

//.

/G (
\$+
- % (](dU
? % (. SU
\\ !
/ F % !
L)(
& ! # F !X..

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ГРЯДУЩЕЕ

ПРОЛЕТАРСКИЙ

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ
ИЗДАНИЕ ПРОЛЕТКУЛЬТА.

№ 7.

№ 7.

Участвуют: Л. Луначарский, С. Толстой, М. Ситкович, А. Луначарский, А. Бердников, А. Гастев, Грошик (С. Конейкин), Горемыка (С. Ефремов), В. Игнатов, И. Ионов, В. Кирцлов, И. Кедр, И. Кузнецов, Ф. Калинин, К. Лоптин, Н. Отсоли, Самобытник (А. Маширов), В. Торский (В. Царев), П. Тихомиров, А. Поморский и др.

СТИХИ.

У станка.

Стружка вьется, стружка тянется, ползет,
Удлиняясь, как разлука, как печаль...
А резец идет — смеется и поёт,
И целуя, обнажает деву — сталь...
Шестерни, шкивы вращаются, снуют...
А в груди моей под танец шестерней —
Два желанья, два начала спор ведут...
Слышу голос мягким шелестом ремней:
„О, мечтатель, вольнодумец, о поэт!
Не затем-ли уж родился ты на свет,
Чтоб всю жизнь в заводе мучиться, терпеть,
И прикованным к машине умереть?
За окном — весна... блеск солнца... красота...
Тут туманит взор — грязница, темнота,
Там ласкает слух певцов пернатых хор,
Тут машин-чудовищ грохот-разговор;
Он упреки, он проклятие отцов...
С ним сливаясь, рыдает скрип резцов.
Там — деревья... от цветов там — аромат...
Тут бессменно — сталь, железо, дым и смрад.
Тут все вертится, танцует и дрожит,
Воеет, лязгает, гремит, стучит, жужжит...
И вот тут-то, как прикован, день-деньской —
Неотлучно у станка ты, в мастерской...
Ум мутится... спину ломит... грудь болит...
А смотри, как солнце ласково глядит,
Как приветливо целует, радость льет,
Дразнит, манит и настойчиво зовет
В степь безбрежную, на волю, на простор,
На зеленый, на цветистый на ковер...

К морю звучному, — к играющим волнам,
В горы!... Выше! ближе к солнцу, к небесам!...
Хором звуков зачарован, убежден, —
Проклинаю плен завода, стали звон.
К солнцу, к морю, в горы, к воле я лечу...
Счастья светлого и радости хочу.
Ведь открыт-же к наслажденью путь всегда
Угнетателям, живущим без труда...
Им, жиреющим, все можно, все дано...
Что-же мне-то, кроме муки, суждено?
Иль в заводе пулеметы лишь ковать?
„Для чего они?“ — сын спросит — что
сказать?
Не сказать-же, что в них зреет виноград,
И тебя-же им, быть может, угостят?...
Сердце бьется, гнев клокочет, гнев кипит...
А в ушах немолчно тот-же зов звенит:
„Видишь-ли, невольник-парий, блеск какой!..
Ты томишься у машины в мастерской!..
Замечтался, в высь умчался, запарил...
Не заметил, кто станок остановил.
Окрик!.. Мастер... Вновь включаю самоход,
Вновь танцует звуков стройный хоровод...
Но пророча, напевая о другом,
Криком стали, смелым, властным языком:
„Разгони мечтаний хмельный хоровод,
Не кляни станки, машины и завод.
Ты пришел сюда от солнечных полей,
Где рабом яремным был у палачей.
Тут клянешь ты в бой сзывающий металл,
Там под розгами помещика стонал...

— Великая мать, не мстительна я и не злобен. Встань из золотого сиденья и ходи вольно по небу, как раньше ходила, знойную землю одаряя прохладой.

Сказал, в одном месте рукою кресло нажал и золотые клинья от бедер Геры богини тотчас отделились.

Не веря свободе, с кресел богиня поднялась и по золотым чертогам прошлась. Всё боги ликуют, а в душе матери Геры злоба уж бурно клокочет. Когда бы ей сила, вновь бы безжалостно в бездну бросила сына.

— Мать моя! — к ней обратился Гефест, — тобою рожденный к тебе я сердцем влекусь. Улыбнись ты мне, ведь от тебя я никогда улыбки не вижу.

В ответ Гера богиня к сыну спиной повернулась. Вокруг раздавшийся смех в сердце Гефеста тяжкую обиду рождает.

Та ненависть, что он с детства питал к Олимпийцам, вдруг со дна души пробудилась.

— Эй, вы! — гнев подавляя, тихо Гефест к богам обратился, — о чем ваша радость. Неужели вам любо, что жестокая мать сына отвергла? Бесстыдные, подобного смеха я бы и от грубых людей не услышал.

— Хромой золотильщик! — смеясь закричали все боги, — ты, вместо неумных своих рассуждений, нас бы искусною пляскою потешил.

Им быстро ответил Гефест:

— Боги, не могу я вас пляской забавить, мои ноги в костях перебиты; вините в том не меня, а мать великую Геру и Зевса; всеведущий знало не предотвратил ее преступления.

— О, дерзкий! — громоподобный послышался возглас вседержителя бога, — ты смеешь осуждать наши поступки. Или тебе неведомо, как я караю гордецов и ослушных?

— Всем ведом жестокий твой нрав, — не убоясь Зевеса, ответил Гефест. — Вес мир уж прослышал о том, как ты поступил с Прометеем за то лишь, что он, сжалившись над людьми, огонь для них с неба похитил.

— Умолкни, безумный! — грозно приказал Гефесту Кронион, — и узнай от меня, что огню, которым теперь люди владеют, когда то их делает равными богам.

— Против возвышения людей ты и восстаешь, погубляя их в истребительных войнах, о жестокий! Огонь великий им путь освещает, ты же, завистливый,водишь их к темному кругу убийства и мести. О жалкие, презренные боги, трепещите, я иду вниз сообщить своим братьям, что их враги на Олимпе, а не в измученной войнами Трое!

С гордо поднятой главой, Гефест, чертоги Зевеса покинув, с Олимпа спустился, а над ним в вышине, в мрачных тучах, бессильные громы гремели.

Павел Безсалько.

СТАТЬИ.

Первая Всероссийская конференция пролетарских культурно-просвет. организаций.

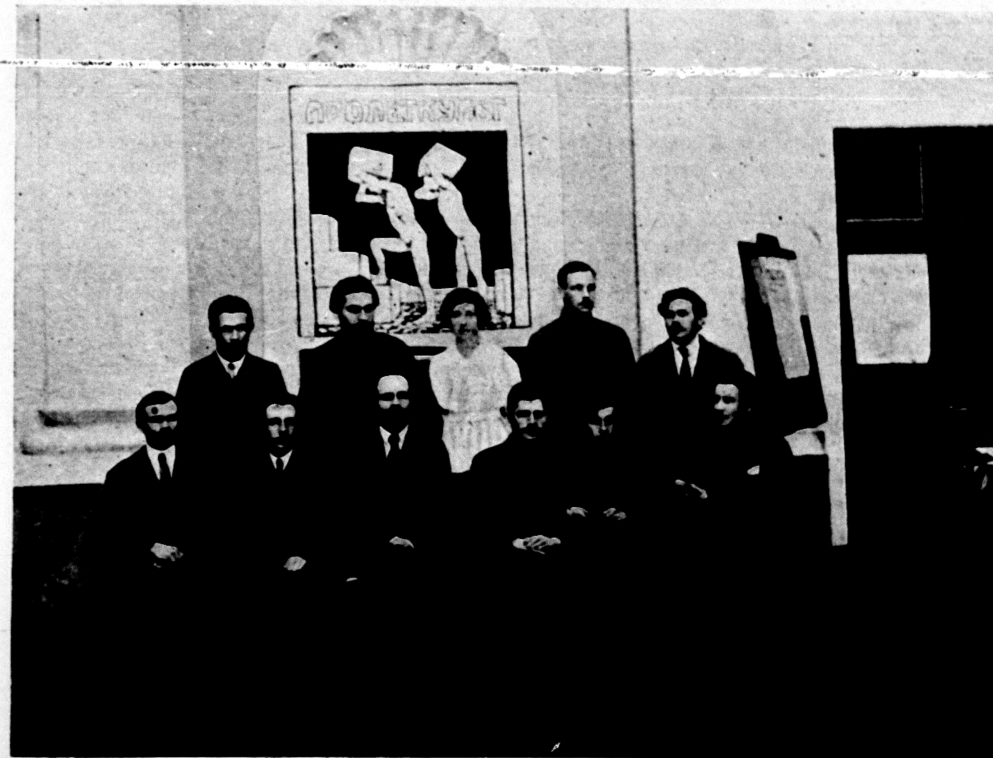
15-го сент. с. г. в Москве, в присутствии свыше 250 делег. состоялось открытие первой Всерос. конференции пролет. просв. организаций. В приветственной речи тов. Полянского, от имени Организационного бюро, открывшего историческое заседание, было указано на то огромное значение, какое будет иметь конференция в деле оформления и организации пролетарской культуры. Отметим, что председателем настоящей конференции являются Петербургская и Московская конференции, тов. Полянский закончил речь, при единодушном одобрении и глубоком сочувствии всех собравшихся, призывом идти к новому великому счастью, к утверждению пролетарской культуры, которая своим величием озарит весь мир. Затем конференция почтила вставанием память всех павших в борьбе с международной

контр-революцией и послала приветственные телеграммы Красной Армии, героически защищающей пролет. революцию, и западно-европ. пролетариату, в лице т. т. Либкнехта, Ф. Адлера, Люксембург и Хеглунда. Приветствие т. Ленину, вождю пролетарской революции, принимается несомкнутаемыми аплодисментами. После приветствий, конференция утверждает Президиум в следующем составе: почетными председателями т. т. Ленина и Луначарского, председателем П. Лебедева-Полянского, тов. председателя А. Маширова-Самобытника и Ф. Калинина, членами: т. т. Додонова, Файдыш, Озоля, Никитина и Кириллова. Кроме того, в президиум вошли по одному представителю от Всероссийск. Центр. Исп. Ком-та Сов. Раб. и Красноарм. деп-ов, от Сов. Професс. союзов, Рабочей кооперации и три представителя от делегатов провинции. По сформировании Президиума, конференция заслушивает целый ряд приветствий, в том числе от представителя Комисариата Народного просвещения тов. Покровского,

в глубокой и большой речи указавшего на необходимость тесной связи работ конференции с общей политикой Советов в области просвещения; от Петроградского пролеткульта, в лице т. Маширова-Самобытника, подчеркнувшего самостоятельность пролетарской культуры; от Сов. Нар. хозяйства—т. Кассиора и союза металлистов—т. Никитина, от партии коммунистов-народников—тов. Закса, рабочей кооперации—Василевского и др. В заключение все свои занятия конференции распределила по секциям, и в результате

Вследствие этого, перед пролетариатом стоит задача—усвоить и переработать в горение своего классового сознания все достижения предыдущей культуры, вооружить себя новым знанием и организовать свои чувства и бытовые отношения в духе коллективизма, развертывая максимум своих духовных сил и пользуясь помощью революционно-социалист. интеллигенции. Центральные и местные учреждения должны всеми средствами способствовать новому движению, в целях закрепления всех завоеваний пролетарской рево-

Президиум Всероссийской Конференции культурно-просветительных организаций.

В первом ряду (сидят): Т.т. Калинин, Файдыш, Полянский, Маширов, Никитин, Игнатов. Во втором ряду (стоят): Кривцов, Озоль, Додонова, Василевский, Кириллов.

дружной пятидневной работы всех участников конференции, были внесены и утверждены резолюции по докладам следующих товарищей:

Лебедева-Полянского (общая резолюция) по докладу «Революция и культурные задачи пролетариата», в которой говорится, что задачей пролетарского самостоятельного культ.-просв. движения является выработка пролетарской культуры, которая должна базироваться на общественном труде и товарищеском сотрудничестве и с уничтожением классового господства превратиться в культуру общечеловеческую.

люции и организации основ грядущего социалист. общества. По докладу т. Богданова (наука и рабочий класс) и в резолюции проводится взгляд на науку, как на орудие организации общественного труда, которое должно стать в руках рабочего класса орудием социальной борьбы, победы и строительства, а потому необходимо весь научный материал пересмотреть с коллективно-трудоу точки зрения, привести его в систему, применяя к потребностям пролетарской работы, и в преобразованном виде распространить этот научный опыт среди широких рабочих масс по-

средством организации рабочего университета и рабочей энциклопедии.

4-й докладу т. Маширова-Самобытника (Раб. университет) принята резолюция, в которой указывается, что организация пролетарских университетов, как высших центров науки, возможна лишь в условиях Советской власти. В этих центрах пролетариат должен овладеть всем накопленным научным опытом, на основе его проверки с нашей классовой точки зрения. Программы пролет. ун-та разрабатываются лучшими теорет. силами революционных социалистов, преимущественно коммунистами, в сотрудничестве руководителей и слушателей ун-та, контроль же над программой и утверждение ее принадлежит съездам и конференциям пролет. культурно-просв. организаций.

Программа делится на три курса:

а) подготовительный—оформление и систематизация научного опыта у слушателей, б) основной—выработка основ социалистического миропонимания, в) специализированный, с факультетами техническим, экономическим и культурным, для изучения определенных групп научных предметов в тесной связи с другими группами.

Первые кадры преподавателей подготовляются в социалистических академиях Москвы и Петербурга, преимущественно из рабочих, имеющих некоторый научный опыт. Пролет. университеты организуются во всех крупных промышленных центрах Советской республики.

По докладу т. Мандельбаума (Литер.-издат. секция) принята резолюция, в задачу которой входит создание пролетарской художественной литературы, выделение из рядов пролетариата поэтов и беллетристов и создание новых форм и способов литерат. творчества. Для ознакомления с литературой прошлого и усвоения технической стороны худож. творчества, необходима организация литературных студий. Необходимо предпринять широкое издание учебников и курсов литературы с марксистским освещением и наиболее ценных произведений пролетарских писателей. Кроме того, Центр. Ком-ту Пролеткульта поручается создание театрального худож. органа, объединяющего все пролетарское творчество, созыв съезда рабочих писателей и возможно полное содействие Всероссийскому союзу рабочих писателей.

По докладу тов. А. Богданова «Пролетариат и искусство», в резолюции указывается, что искусство, организующее посредством живых образов социальный опыт в сфере познаний, чувств и стремлений, является могучим орудием в организации коллективных сил пролетариата в классовом обществе, и что пролетариату необходимо свое классовое искусство, проникнутое духом трудового коллектива, действующее с этой

точки зрения воспринимать и отражать внешний мир и внутренние переживания пролетариата, связывая их с боевой и творческой волей. Совершенство старого искусства пролетариат должен брать в своем новом истолковании и освещении, раскрывающем их скрытые коллективные основы и их организационный смысл; тогда они станут могучим орудием в борьбе против того же старого мира, который их создал, и средством организации нового мира. Всю эту задачу должна выполнить пролетарская критика. Организации и учреждения, посвященные развитию дела нового искусства и новой критики, строятся на товарищеском сотрудничестве, воспитывающем работников в направлении социалистического идеала.

По докладу А. Андреева (секция изобраз. искусств), резолюция признает необходимым объединение всех пролетарских художников в учебно-трудовые и инструкторско-пропагандистские коммуны, поручая таким коммуна организация студий—лабораторий по всем специальностям изобразит. искусства, превращая это искусство в одно из средств для отражения пролетарской идеологии и для организации пропаганды социального коммунизма. Все образцовые творческие произведения коммун пролетарских художников составляют достояние всего пролетариата и собираются в воспитательных учреждениях советской республики. Пролетарское изобразительное творчество должно стать источником радости, красоты и мудрости жизни пролетариата и могучим орудием в международной пролетарской революции, его задача зажечь и осветить пути к мировому социализму.

По докладу В. Керженцова (театральная секция), в резолюции о ближайших задачах пролетарского театра подтверждается необходимость организации при Пролеткультах драмат. рабочих студий, которые готовят кадры пролетарских актеров, долженствующих отразить психологию, замыслы и стремления революционного пролетариата.

Профессионалы театр. искусства, под руководством социалист. контроля, должны помочь в обучении рабочих необходимой азбуке сценического искусства, предоставляя им широкое поле для свободного творчества. До тех пор пока еще не созданы пролет. пьесы, в репертуар пролет. театра можно выбирать пьесы, отвечающие духу и настроению революционного пролетариата. Все буржуазные театры необходимо национализировать, произвести учет и равномерное распределение всех артист. сил и весь репертуар буржуазных театров взять под строгий социалист. контроль.

В резолюции по докладу О. Брюсовой (музык. секция) говорится о необходимости оказания помощи пролетариату в овладении музыкальным достоянием человечества, о содействии выявле-

нию коллективного творчества пролетариата в области музыки и о государствен. поддержке художникам—исполнителям и художникам—творцам. Необходима энергичная борьба с суррогатами музыки противопоставлением лучших произведений музыкального творчества и организация пролет. музык.-вокальных студий под наблюдением Пролеткульта.

По докладам т. С. Кржижановского (клубный отдел) принята резолюция о том, что пролетарский клуб должен являться мастерской по выработке пролетарской культуры, вся работа в нем должна строиться на активной самостоятельности всех членов клуба. Клубы должны бороться с мешанинством, господствующим в семейном быту рабочих, привлекая к себе всех членов пролетарской семьи.

Организационно—все пролетарские клубы должны связаться с местными пролеткультами. Завершением клубного строительства является Дворец Пролетарской культуры. Поручается Ц. Ком. Всерос. Пролеткульта выработать примерный устав клуба.

По докладу тов. Херсонской «Работа с юношеством», резолюция указывает на необходимость содействия организации стихийного роста молодежи в русле классового жизнетворчества. Пролеткульта должны помогать союзам молодежи в постановке студийной и клубной работы. В интересах международной солидарности пролетариата необходимо в союзах молодежи поддерживать тенденцию к установлению связи с аналогичными союзами всего мира. Необходимо, хоть-бы на два часа, освободить юношество от занятий на фабриках для предоставления им возможности посещения студий и культ.-просв. учреждений.

По докладу т. Кассира (секция професс. союзов), резолюция указывает, что профессиональные союзы, заинтересованные в строительстве пролет. культуры, должны оказать деятельную поддержку Всероссийск. организации Пролеткульта. Идеальная разработка пролет. науки и искусства должна сосредоточиться в Пролеткультах, а не распыляться по отдельным профес. раб. организациям. Культ.-организационная деятельность Професс. союзов основывается на культурно-промышленном воспитании рабочих масс в духе товарищеской дисциплины и коллективизма. Отделы профес. союзов в Пролеткультах должны организовать курсы, лекции и т. п., по вопросам профес. движения, развития промышленности, национализации предприятий и т. п. При Рабочем Университете должен быть отдел профессионального движения, где-бы концентрировался и разрабатывался весь опыт союзного движения; в этом же отделе должны готовиться-бы практические работники профес. союзов.

Резолюция по докладу т. Василевского (операт. секция) указывает, что рабочая кооперация в своей культурно-просв. деятельности должна руководиться теми же общими принципами, которые легли в основу Октябрьской революции, выступая под знаменем Пролеткульта. Рабочая кооперация должна оказывать широкую материальную и моральную поддержку центральному и местным Пролеткультам. Необходимо Раб. кооперации совместно с Пролеткультами организовать Пролетарский контроль над культурно-просв. деятельностью Рабочих кооперативов, в которых прочно засели враждебные пролетариату элементы из саботажников, бело-эсеров и социал-предателей.

По докладу т. Ульяновой также принята соответствующая резолюция, которая еще не отмечена.

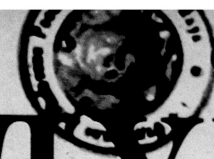
После принятия резолюции по докладу тов. Игнатова, был утвержден Устав Совета Всероссийского Пролеткульта и произведены были выборы членов Совета, в состав которого вошли: П. И. Лебедев-Полянский—председатель Совета; Ф. Калинин и А. Маширов-Самобытник—товарищи председателя; В. Игнатов—секретарь Совета; В. Файдыш—член президиума; т. т. А. Богданов, А. Додонова, В. Кириллов, Н. Василевский, В. Кассир, М. Герасимов, К. Озол, И. Садофьев, И. Никитин и С. Галичев—члены Совета.

В коллегию по отделу пролет. культуры Комиссариата Народного просвещения выбраны: заведующий отделом Ф. Калинин; члены коллегии А. Маширов-Самобытник и В. Файдыш.

В редакционную коллегию журнала «Пролетарская культура» выбраны т. т. А. Богданов, Ф. Калинин, П. Лебедев-Полянский, В. Керженцов, А. Маширов-Самобытник. Закрылась конференция пением Интернационала и концертом Петроградского Пролеткульта.

Значение 1-ой Всероссийской конференции неизмеримо; она оформила и наметила характер пролет. культуры, создала руководящий центр для объединения всей пролетарской просв. деятельности, установила взаимоотношения и постоянную связь центра с местными Пролеткультами и с Комиссариатом Народного просвещения, связала просветительную деятельность с революционным движением пролетариата, поставила в задачу пролет. культуры развитие и укрепление всех завоеваний пролетарской революции во всех областях Советской Республики. В заключение помещаем ниже письмо на имя Президиума конференции тов. Ленина, вызвавшее огромную радость всех участников конференции, письмо, которое, надеемся, окончательно рассеет печальные заблуждения некоторых представителей партийной интеллигенции, подозрительно относящихся к деятельности Пролеткульта и сомневающих в силе и значении самостоятельного пролетарского творчества.

А. М.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

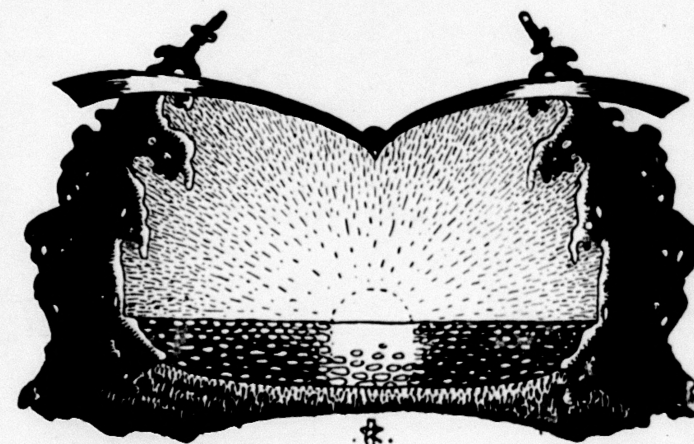
ГРЯДУЩЕЕ

ПРОЛЕТАРСКИЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАНИЕ ПРОЛЕТКУЛЬТА.

ДА ЗДРАВСТВУЕТ
ВСЕМИРНЫЙ ПРОЛЕТКУЛЬТ!

№ 8.

№ 8.

ПРАЗДНИК
ВЕЛИКОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

1917 $\frac{23-25}{X}$ 1918.

Пролетарии всех стран, соединитесь!

ГРЯДУЩЕЕ

ПРОЛЕТАРСКИЙ

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАНИЕ ПРОЛЕТКУЛЬТА.

№ 8.

№ 8.

Участвуют — А. Луначарский, В. Полянский; писатели-работники: Аксен-Ачкасов (И. Садогбьев), П. Арский, П. Беззалько, Я. Бердников, А. Гастев, Грошик (С. Копейкин), Горемыка (С. Ефремов), В. Игнатов, И. Ионов, В. Кириллов, И. Кедр, И. Кузнецов, Ф. Калинин, К. Лоптин, Н. Отсоли, Самобытник (А. Маширов), В. Торский (В. Царев), Н. Тихомиров, А. Поморский и др.

От Редакционного Коллектива.

Статьи о пролетарской культуре, помещенные в этом журнале, являются откликом Петербургского пролетариата на великое историческое событие в жизни рабочего класса — годовщину октябрьской социалистической революции.

В этой скромной работе мы не претендуем на полноту и законченность наших взглядов, ибо всякий, даже первый шаг в организации пролетарской культуры, чрезвычайно труден и сложен. 1905 год был колыбелью рабочей просветительной деятельности, годы реакции закалили идею пролетарской культуры, организовали пролетарскую интеллигенцию, и с тех пор мы ведем борьбу за самостоятельное творчество рабочих масс в области духовной культуры. В этой борьбе нам не раз пришлось сталкиваться с огромным сочувствием и товарищеской поддержкой одних и с холодным равнодушием, а то и прямо враждебным отношением — других. Так, вероятно, было всегда.

Когда в России первый кружок революционных социал-демократов повел среди рабочих пропаганду за свержение самодержавного строя, то эта пропаганда была с радостью встречена рабочими массами и вызвала смущение и трепет перед надвигающимся „красным призраком“ в лагере имущих классов.

Но всякая теория есть только теория, пока она не перешла в практику и социализм фактически стал осуществляться в жизни с того момента, когда он вышел из маленьких кружков первых революционеров на фабричные окраины и городские площади.

Так и с вопросами пролетарской культуры.

Если до революции их пробовали разрешать отдельные представители из революционной интеллигенции, то теперь, после октябрьской революции, при наличии сплоченного ядра деятелей пролетарской культуры, перед рабочим классом явилась реальная возможность практического осуществления и выявления элементов социалистической культуры на всей территории Советской Республики.

В годовщину октябрьской революции мы празднуем и годовщину борьбы за пролетарскую культуру, ибо зарождение центра пролетарской культуры Петербургского пролетариата, по воле рабочего класса, было накануне октябрьских событий и было первым грозным призраком грядущей пролетарской социалистической революции.

Пусть на этом первом в мире празднике, чередуясь с политическими речами, звучат и наши призывы к борьбе за социалистическую культуру, за Всемирную советскую федеративную республику.

Да здравствует пролетарская культура!

Да здравствует красный октябрь!

Да здравствует социалистическая революция!

Н и л К у з ь м. Ничего, детка, он скоро вернется; успокойся, детка, все обойдется... все устроится. (Снова слышится пулеметная стрельба и орудийный выстрел. Ваня плотнее прижимается к деду. За дверью слышится шум подбегавшего мотора и взволнованный голос Любы: сюда... сюда... Дверь открывается и два красноармейца, поддерживая, вводят раненого в плечо Сергея. Ваня с плачем бросается к нему, Нил Кузьмич, ослепившая, помогает красноармейцам)...

Сергей (слабым голосом). Ну, отец, все кончено... Власть в наших руках... Да здравствует власть Советов!

Люба. Милый Сережа, успокойся!.. После все расскажем. Кладите его сюда, осторожнее; папа, позови маму сюда...

Сергей. Да, отец, Зимний дворец взят, а это значит, что мы завоеваем целый мир. Да здравствует социальная революция!

(Занавес).

П. А. Арский.

В зарницах и молниях.

Стемнело. Мы стояли у окна—я и Клавдия, моя покойная жена.

Вздрагивали молнии на темной черте неба, и гремели орудийные выстрелы. Мы молчали.

Но каждому из нас было понятно и ясно, о чем мы думаем и что чувствуем. И, как бы в знак этой душевной гармонии нашей, от времени до времени мы пожимали друг другу руку.

Восемь месяцев прошло со дня февральской революции—и неудовлетворение самых заветных ожиданий, возбужденных ею, мучительно тревожило совесть.

Не прекращалась война; обман царский превратился в обман буржуазный; газеты восторженно воспевали совершившийся переворот; и, однако же, всё были контр-революционны, потому что стояли за прекращение, за приостановку революционного прогресса, были против углубления революции.

Фигура Керенского становилась все более и более смешной. Двусмысленное поведение его в разговоре Корнилова у всех было на устах. Безопасности не было ни личной, ни имущественной. До пятисот ограблений, насилий и убийств в сутки. Полная неуверенность в завтрашнем дне. Страхное озлобление против тех, кто сколько-нибудь здраво относился к задачам и идеалам истинной революции. Глубочайшее непонимание совершавшегося колоссального исторического процесса, idiotские старания остановить его, пена

у рта, с какою еще недавние протестанты говорили и писали против большевиков, требуя для них тюрем и казней. Гибельные авантюры в Галиции и под Ригой. Все это создало атмосферу, в которой трудно, в которой невозможно было дышать. Гроза должна была разразиться неминуемо.

И вот ея зарницы, ея молнии; первые громы начинающегося обновления.

Еще вчера и третьего дня в давно покинутой мною газете,—до февральской революции помещавшей революционные статьи, а с апреля вдруг забывшей контр-революционную тревогу—в газете, которая обязана была когда-то своим процветанием защите интересов и прав рабочих, крестьян и так называемых „маленьких людей“, и которая, разбогатевши, сделалась органом военщины и денежных мешков, было напечатано, что „большевики вырыли между собою и русским народом пропасть, которую не может заполнить никто из самых искусных ловкачей этого стана политических авантюристов“... Еще называли Троцкого „бесстыдником“, Ленина „безумцем“ и „вдохновителем Столыпинских аграрных реформ“, еще Чернов причислял Ленина к „погромщикам и к черной сотне“, еще в „Вечерке“ уверяли, что „рабочие не поддадутся никаким призывам к выступлениям“,—до того они будто-бы преданы капиталу, а в этот вечер уже история вписывала в свою вечную книгу одну из самых ярких и величавых страниц и, хотя мы не знали, чем кончится гроза, но нечто большее, чем знание, чем ходячая житейская логика, утверждало нас в вере в желанный исход грозы...

Мы вышли на улицу. Бой гремел в направлении Зимнего Дворца.

Необыкновенное волнение овладело женою. Усиленно билось и мое сердце. Шли мы, как во сне, но реальная трагедия творилась где-то близко, близко. Загорелись огни долгожданного страшного суда.

На берегу Большой Невки мы встретили рабочих. Торопливой тяжелой походкой, рядами и вразыпную, двигались они. Мы не видели выражения их лиц, но казалось, что лица их торжественны и угрюмо-прекрасны.

— Последний бой!—сказала жена, прижавшись ко мне.

— Хорошо, если последний,—произнес одиноко шедший вооруженный рабочий, поровнявшись с нами.—Но все-таки теперь наша сила. Винтовки то мы приберегли!

— Успеха!—крикнули мы вслед ему, бегом пустившемуся за своим отрядом.

— С приветом!—донеслось из сумрака ночи, и вдруг грянул какой-то особенно гулкий, грохочущий, торжествующий пушечный выстрел—один, другой, третий, десятый.

Мы вернулись домой и до утра не могли заснуть. Странно—и об этом хорошо и гордо вспомнить—мы ни на минуту, ни разу не усомнились в развязке. Мы верили, и уже больше, чем знали, что победят „ленинцы“...

Так или иначе в эту драматическую историческую ночь многое было пережито нами, над многим был поставлен крест, многое предстало пред нами во всем безобразии своей наготы, без масок, многое воскресло и озарилось ярким светом подлинной истины.

Следующий день был днем торжества.

Когда теперь я читаю сборник статей т.т. Зиновьева и Ленина „Против течения“, появившихся в свет еще задолго до февральской революции, меня поражает последовательность их политического миросозерцания, точность предсказаний ими политической погоды, чисто-научная формулировка исхода самых сложных общественных отношений в тех или других условиях и даже программное изложение действий правительственной власти на случай, если бы она очутилась в руках большевиков. В короткое время большевики сделали то, что

было бы не под силу какой бы то ни было партии. Это потому, что они избрали верный путь, оправданный не только жизнью, но и социальной наукой; и в блеске их успеха и внезапно достигнутых ими целей, и в потоке богатств, материальных и духовных, после победы унаследованных русским трудящимся пролетариатом—что значат какие бы то ни были личные огорчения, потери, горестные утраты, разочарования в изданиях и в тому подобных переходящих факторах индивидуального бытия?

Вспыхнула в зареве октябрьской грозы новая, уже коллективная жизнь. Радость юбилейного торжества по поводу годовщины октябрьской революции лично для меня отравлена тем, что прекрасная душа моей подруги погасла раньше, чем засияли огни великого праздника. Но большое мне утешение, что она была исполнена верой в непрерывность и углубление революционной радости на земле, и этой верой преемственно согревается и будет до гробовой доски согреваться мое сердце.

Иер. Ясинский.

СТАТЬИ.

Год борьбы за пролетарскую культуру.

I.

Культурный мир переживает в наши дни величайший момент, какой знала когда-либо история.

В первый раз за все время существования человечества среди стоимиллионного народа в мировой державе власть находится в руках рабоче-крестьянского правительства, которое день за днем все больше и больше ломает строй вековых экономических отношений, стремясь подготовить страну к социализму.

В первый раз за все время существования человечества рабочие и крестьяне, во всех государствах всегда стоявшие на самом низу общественной лестницы, и даже в передовых демократиях допущенные только к голосованию, ныне призваны сами к власти, поставлены во главе всего управления страной в Советах, и все, что делается в стране, таким образом, направлено к благу не меньшинства бывшего привилегированного класса, а действительного большинства всего народа.

Нет никакого сомнения, что новые порядки Советской России являются не выдумкою отдельных лиц, а требованием всей культуры, издревле провозгласившей необходимость равенства и братства людей. Что строй Советской России является итогом всей нашей многовековой культуры, ясно видно из того, что христианство, знаменем которого лживо прикрывались до сих пор все богатые и власть имущие угнетатели народных масс, — христианство почти две тысячи лет, так же, как и Советская власть, все свои надежды возлагало только на бедных и угнетенных, к ним прежде всего обращало свою проповедь, им обещало, что из последних они станут первыми, и среди них прежде всего старалось распространить свое учение любви и свое обличение богатых и властвующих.

Но отстраняемый от передовой роли в жизни господствовавший до сих пор класс, как у нас, в России, так и во всех государствах всего мира, не хочет признать очевидности, что идеи Советской власти являются прямым последствием всего культурного развития человечества. Напротив, точно так же, как вырождавшиеся римляне первого века христианства считали первых христиан

Участвуют—П. Арский, П. Безсалько, Я. Бераников, А. Гастев, Горемыка (С. Ефремов), Грошник (С. Конейкин), В. Игнатов, И. Ионов, Ф. Калинин, И. Кедр, В. Кириллов, И. Кузнецов, К. Лоптин, А. Луначарский, Н. Отсоли, В. Полянский, А. Поморский, Илья Садофьев, Самобытник (А. Мамиров), Н. Тихомиров, В. Торский и друг.

Пролетарская культура в опасности.

В суровых испытаниях, кровью лучших представителей рабочего класса, в титанической борьбе создавалась Пролетарская Культура,—реализация светлой мечты лучших умов и сердец всего человечества.

Под толстым пластом самодержавия зародились бесмертные, непреклонно-рвущиеся к свету, ростки Пролетарской Культуры, и, с изумительной быстротой и силой пробивая покрытую чертополохом толщу царизма, зеленели и крепили их молодые побеги.

В февральскую революцию они спорили с опустошительными циклонами буржуазной диктатуры, и только на плодородной, живительно-согревающей почве Советской власти они узорно зацвели, разрастаясь по всей России и зачаровывая и весь мир.

Пролетарская Культура, как идеология рабочего класса, душа, светоч пролетарской революции, за один год Советской власти настолько выросла и окрепла, что в состоянии была похоронить „парниковую“ индивидуалистическую, основанную на рабстве, буржуазную культуру, буржуазную идеологию в России и вырыть для нее могилы в других странах Европы.

Но буржуазия, как и пролетариат, интернациональна. И побежденная в одной стране, она надеется на поддержку своих зарубежных палачей, намереваясь снова восстановить свою власть, свое господство и вырвать с корнем—идею Коммунизма, убить душу Всемирной революции—Пролетарскую Культуру.

Вся Европа в огне восстания. Каждая страна—клокочущий вулкан. Трудящиеся всего мира встают против своих поработителей. Буржуазия доживает последние дни. Но тем озлобленней, тем яростней готовится она наброситься на очаг всемирной революции—Россию.

Англия и Америка—твердыни капитализма,—породившие и утвердившие основы самой утонченной буржуазной культуры, с которой угнетаемый пролетариат этих стран не в силах еще справиться,—решили двинуть на ненавистную им Россию своих еще не прозревших рабов. Угрожают и клянутся залить кровью красный „очарованный остров“ Свободы.

Но мы верим, что они с походом на нас приближают свою, а не нашу кончину. Пролетарской революции и культуре грозит варварское нашествие. Но свободные коммуны, одухотворенные Пролетарской Культурой, сумеют достойно встретить черных бандитов, встанут все как один на защиту колыбели Социализма—России. Мы верим, что их полки придут к нам лишь для братской, радостно-узорной встречи, для создания Всемирного Совета Рабочих и Красноармейских Депутатов и Всемирного Пролеткульта.

Мы верим, что союзный жандарм, душитель революции, походом на Россию, как и Вильгельм,—сломает свою голову. Мы верим, что пролетариат союзного империализма скоро страшнет со своих плеч поработителей и станет в наши

ряды, ибо мы боремся за освобождение всего человечества.

Черные силы свирепеют. Пролетарская Культура в опасности. Мы, свободные коммунары, все становимся под ружье на ее защиту и призываем трудящихся всего мира направить штыки на своих порабитителей, врагов свободы, и, зажигая факел Всемирной революции, бороться

вместе с нами за Пролетарскую Культуру, за Социализм.

В последней и решительной схватке с капитализмом—победим мы! Никто не в силах погасить Солнце! Никто не в силах порабитить свободных коммунаров, уничтожить Пролетарскую Культуру!

Будем бороться—победа за нами!

Песня о молоте.

В красных кузницах
Везувийно-грозовых,
В блеске молний бирюзовых,
Мы без отдыха куем,
Песню звонкую поем.

Как в пылу тревоги бранной
Мы чеканом и граням,
Сумрак ночи неустанно
Мы огнями золотим.

В час тревожный, в час усталый
Наш товарищ—смех,
Наш могучий запедало
Громозвучный мех.

То не ветер парусами
Зашумел —
Молодыми голосами
Загремел —

Наш веселый вольный хор.

И—не грохот бури дальней —
Молот с грозной наковальней
Огневой заводит спор.

Только он железо тронет,
Эхо звонкое застонет,
Эхо в воздухе замрет.

И призывно-четкой трелью
Нежно-звонкою свирелью
Сталь застонет, запоет...
Не на помощь ли зовет?

Окна дымом занавесило,
Но как отклики ответные,
Горы взметнулись ярким пламенем,
Заалел призывным знаменем.

Нам же весело
И радостно ковать,
Златоцветные
Алмазы рассыпать.

На работу, неустанно
Мы зовем.
Мы владыки, мы титаны
Над железом и огнем.

Павел Арский

ПРИЗЫВ.

С дороги прочь! За мной,—
Певцы, с поддонной силой...
Не может дух живой
Дышать гнилой могилой.

Не будет красный луч
Гореть в поганой чаше;
Он вспыхнет, смел, могуч
На наковальне нашей.

Нам песня по плечу...
Вперед! В зарницах алых
Мы яркую свечу
Зажжем в родных кварталах.

С дороги прочь! За мной,
Певцы с могучей силой,
Чтоб яркою весной
Звенел ваш голос милый.

Заславский.

Красные Зори.

В вихре огненных прелюдий
Солнцевзорный лик Труда,
Как тоска о близком Чуде—
Неба нашего звезда.

Перезвон тоски осенней,
Шопот листьев золотых,
Пляска синих, красных теней—
Заревой, призывный стих.

Кто-то Ласковый, Нездешний,
Полонил пожаром грудь
И в борьбе грозиво-вешней
Указал лучистый путь.

А. Богданов.

Детство.

Ребенком беспредельного простора
Не знал я на суровой полосе...
Любил я в своей сумрачной красе
И трепетную травку у забора,
И пыльную канавку у шоссе...

С отрепанною книжкой „Дон-Кихота“
В кустарнике, как в солнечной норе,
Я прятался в забытом пустыре...
А гулкие фабричные ворота
Меня подстерегали на заре...

И краткие ребяческие годы,
Как ласковые взоры василька,
Увяли в остром окрике гудка,
Развеяли их каменные своды
Да рокот беспокойного станка...

Но в бурях своей жизненной тревоги
Не раз мне вспоминалися черты:
Печальная канавка и цветы,
Кустарник на заброшенной дороге
И детские угрюмые мечты...

Самобытники.

Старик.

Стуча клюкою о дорогу,
Иду с котомкой за спиной.
И к цели движусь понемногу,
Объятый пламенной мечтой.

Иду без усталости, без сна,
Иду тревожною пустыней,
Уж в волосах белеет иней,
Но в сердце—светлая весна.

Я гордо шел дорогой к солнцу
И звал весь мир на братский пир,
Чтоб каждый мог в свое оконце
Без слез взглянуть на божий мир.

Не даром тратил свои силы,—
Я не был в жизни мертвецом,
И в придорожную могилу
Я лягу с радостным лицом.

Н. Тихомиров.

— А старая изба ваша, — вдруг спросил тот, о ком думал хозяин, — давно она у вас стоит? Годов 25?

— Эвона, об чем заговорил, — подумал Илья Тимофеевич и нехотя ответил:

— Ничего, еще поживем.

— А ригу новую поставили? — опять начал гость, неведомо к чему.

— Какая она новая? Может, — она, старая, — с усдовольствием ответил хозяин.

— Старая-то не здесь стояла.

— А ты почем знаешь, где она стояла? — установился на гостя Илья Тимофеевич и подумал:

— Чего разнюхивает? Все они питерские — либо брехуны, либо жулики. Не забратся ли хочет? А не то подналить? Сказывают, есть между ними такие — не то анархисты, не то антихристы — те все могут сделать, им ничего не страшно.

И опять вспомнилось про пулемет, что спрятан в клуне. И не у них одних есть оружие, привезенное с войны. Илья Тимофеевич враждебно взглянул на гостя: тот был вдвое моложе его, но и вдвое слабее и болезненнее его на вид.

— Василий Ильич, дайте закурить, — попросил молодой коммунист у старшего товарища, и это имя остро резнуло хозяина.

Так бы Васю теперь звали, пришло ему в сердце и с еще большею неприязнью стал смотреть на этих чужаков, пришедших отнимать его собственность.

И от предложения покурить поморщился. Не любил в избе табачного дыму. Впрочем, питерский табак оказался легким, его почти не было заметно.

Поспел самовар. К чаю подали молока, ватрушек, меда. Молодой гость сказал:

— А здорово вы живете. Кабы нам в Питере наших детишек хоть неделю так покормить...

— А что, худо живете?... поинтересовалась хозяйка, старая Дмитриевна, и поглядела на Василия Ильича.

— Какой уж ты худой-то, смотреть на тебя жалко.

И спросила:

— С болезни, что ли, али от нищиз?

— С работы, — отвечал тот глухим и мягким голосом, — с фабричной жизни не толстееют.

И Василий Ильич заглянул в лицо хозяйки таким странным долгим взглядом, что у той вдруг отчего-то заходили ходуном руки, и что-то подкапало под сердце.

И своим тихим, четким голосом гость начал рассказывать — о голоде. О голодных детях в Петербурге, — об изнемогающих матерях, о доша-

дах, околеваящих на улице. И каждое слово его было тяжелым молотком, которым он вгонял гвоздь за гвоздем в твердые сердца этих людей и ранил их своим невысказанным укором. И старая хозяйка чувствовала, что каждый звук этого голоса был ей упреком, ей, в доме которой были все так сыты.

— Поделом, — заметил Сергей, — возлились, возлились со своими революциями, голод себе и нажили.

— Конечно, сами виноваты, — подтвердил и Илья Тимофеевич, — а теперь за нашим пришли. Что чужое обирать? Подите, сами понашите.

И сам знал, что говорит не то, что думал. Что нарочно старается рассердить самого себя, что уже взял его гость своими тихими и властными словами.

— А мы-то чужие вам, что ли? — спросил Василий Ильич и, подняв голову, оглядел всех в горнице.

Сергей задорно отвечал:

— Известно, чужие. Вы — фабричные, не наш брат, крестьянин.

Что-то изменилось в лице гостя. Оно стало строгое и суровое. А взгляд тихих, как голубая заводь, глаз сделался твердым и резким.

— Нет, ваш брат, — сказал он громко. — Ты только не знаешь этого, забыл об этом.

Что-то холодом, как в испуге, оледенило сердце старого Ильи. И вслед за этим, острым полымем еще не осознанной радости, каким-то горячим оживлением залило щеки.

Он еще сидел и не двигался, а уже знал и понимал, почему кричала и плакала его жена и билась на груди у чужого приезжего и, обхватив его голову руками, целовала иснитое, худое лицо.

— Наш... наш... — выкрикивала она, почти в бессознании.

— Ну, вот, а ты: чужой, чужой... — ласково отвечал гость, и глаза его точно нели о чем-то глубоком и радостном.

Как сквозь сон проплыла перед глазами Илья Тимофеевича серая от пыли, большая дорога, когда-то уведшая от него сына, и розовое пятно на ней — Василина рубаха ситцевая...

— Вот, почувдалась рубаха твоя розовая, — бодро говорил Илья Тимофеевич, спустя несколько часов, своему старшему сыну, останавливаясь с ним над тем местом, где он схоронил запасы прошлого года зерно, — знать верно, что сердце — вещун.

И, указывая на яму, добавил:

— А это пойдет мое добровольное пожертвование для детей Петрограда. Пшеница здесь. Кончайте...

Ю. Розен.

Н. А. Добролюбов.

1836—1861 г.

(По поводу торжественного открытия ему памятника в Петрограде, 27-го Октября 1918 года).

Именно потому он и умер так рано, что был слишком честен, чтобы безболезненно переносить тот суровый режим, при котором он жил и страдал телесно и душевно.

И то, что умер он «спокойно», с полным сознанием исполненного им гражданского долга и то, что и нас он благословил «шествовать той же стезей»...

Тысячу раз был прав тов. Луначарский, сказав, что в статьях Добролюбова гораздо более важна социалистическая пропаганда, чем художественно-этические суждения.

Надо было прежде всего разбудить «спящих», и вот раздался его резкий, звонкий «Свисток».

Добролюбов, как честный гражданин своего времени, смело (и решительно боролся «за лучшие светлые дни» всеми доступными ему средствами.

Он беспощадно раз'яснял «Темное царство» и «Что такое Обломовщина», ясно и определенно указывал «Когда придет настоящий день», будил и звал на борьбу своим «Свистком», мучился и падал силами, когда писал, «Куда деваться», и снова загораясь ненавистью к угнетателям, верил и надеялся на победу.

Критика Добролюбова соединилась с вполне определенными идеалами и убеждениями, с широко развитым понятием о солидарности личной и общественной пользы.

В его блестящих статьях виден был «холодный ум и пылкое сердце», что с его приемами критической оценки сразу обратило на себя внимание общества.

«Художественное произведение, — писал он в статье о «Грозе» Островского, — может быть выражением известной идеи не потому, что автор задался этой идеей при его создании, а потому, что автора его поразили такие факты действительности, из которых эта идея вытекает сама собой».

Молодежь нашла в нем своего учителя — гражданина, им зачитывались все лучшие люди того времени, т. к. его горячие, искренние и выстраданные слова затрагивали лучшие инстинкты и затаенные мысли о лучшем будущем.

Добролюбов, вечно нуждавшийся пролетарий, в полном смысле этого слова, страдавший жестокой неумолимой чахоткой, от постоянной нужды и чрезмерной работы, слишком рано умер, чтобы высказаться полнее, чем он сделал это за свои 26 лет жизни.

Когда начинают писать или говорить о Добролюбов, то прежде всего приводят его знаменитые стихи:

«Милый друг, я умираю
Оттого, что был я честен...»

Сочинения Добролюбова и особенно его «Свисток» должны быть широко распространены теперь, когда мы, «шествуя его стезей», достигли «новых светлых дней».

Весьма знаменательно, что открытие в Петрограде памятника этому великому гражданину-поэту и критику публицисту состоялось накануне торжественного празднования годовщины «новых светлых дней».

Да послужит этот памятник первой вехой, поставленной нашей молодой пролетарской культурой на пути «пропаганды и просветления умов»!

А. Покровский.

28/X—1918.

К организации Пролетарского театра.

В печати, советских и литературно-театральных кругах в последнее время много говорят о назревшей необходимости коренной реформы театра, который, наконец, должен перестать быть принадлежностью немногих и стать одновременно храмом и свободной академией для всех.

При чем мнения на этот счет коренным образом расходятся. А между тем, должна быть установлена одна общая точка зрения для всех, кому дороги судьбы искусства.

Каков должен быть новый театр?

Какие идеалы он призван претворять в жизнь?

Какие лозунги будут начертаны на его стяге?

Каким назревшим потребностям он должен удовлетворять?

Что обязаны сделать служители сцены, чтобы влить и свою каплю меда в общее грандиозное строительство?

Какой репертуар необходимо признать отвечающим задачам и целям демократизованного театра?

Должен ли народный театр стать проводником известных идей, выйти на торную дорожку дидактизма и поучений, приблизиться по своей структуре к некоего рода академии, призванной воспитать массы в новом направлении, или обязан оставаться верным прежним догматам и продолжать преследовать чисто эстетический принцип — «искусство для искусства?»

Дать в короткой статье исчерпывающие ответы на все эти вопросы не легко.

Попытаемся наметить хотя бы основные тезисы нового демократического, истинно народного театра.

Когда к театру или вообще к одной из отраслей искусства пристегивают умалюющий, принижающий значение искусства термин: «народный», «народное» — мне всегда кажется, что мы имеем дело с явным недоразумением.

Искусство едино и всеобъемлюще. Нет и не может быть ни аристократического, ни народного, ни

какого иного искусства, а есть — искусство вообще.

Искусство создано народом, массой, оно вышло из ее лоно, и эта масса есть и будет его матерью.

Разве не народна древне-греческая трагедия?

Не народны политические сатиры Аристофана?

Не народны религиозные мистерии средних веков?

Не народна итальянская комедия dell'arte, родоначальница комедии вообще?

Не народен зародыш поэзии и литературы — изустная народная песня?

Во все времена и у всех народов различные классы общества, группы лиц, одинаково мыслящих, одной степени развития и понимания, согласно своему вкусу и потребностям, отводили от неиссякаемого источника народного творчества маленький ручеек, и на этом ручейке ставили свою «мельничку». И хотя эти «мельнички» снабжались различными кастовыми вывесками, имели свои чисто-специфические задания, все-же вода, ворочавшая их колеса, оставалась водой широкого, мощного народного творчества, народного искусства.

Без этой действенной, потенциальной силы сословные или кружковые мельнички искусства не могли бы просуществовать ни одного дня, как и вообще без и вне народа, без его участия, не могла существовать ни одна человеческая община.

Всякое искусство глубоко народно по своему существу, а театр, как синтез всех искусств, тем более.

Поэтому, не о создании заново какого-то особенного «народного» театра необходимо говорить, а об очищении театра, как такового, театра, рожденного народом, от посторонних наносных, временных наслоений, о возвращении этого культурного достояния его законному наследнику и владельцу.

Необходимо стремиться к ренессансу театра, к его возрождению.

Что-же для этого должно сделать? Какую творческую работу совершить?

Прежде всего — широко открыть для народных масс двери театра, уже существующего, заполнить партеры и ложи массами жаждущего света и истины народа, и от этого театр, уже volens-polens, станет народным, демократическим.

Далее. Не может быть нанесено большего оскорбления народу, чем попытка низвести театр на какую-то низшую, первобытную ступень искусства, сделать его «доступным» пониманию, так называемых, широких кругов. Как будто свет, красота, истина, вдохновение не есть перлы, доступные лицезрению и пониманию всех и каждого. Как будто для того, чтобы наслаждаться блеском солнца, необходимо приобрести патенты на звание аристократа, интеллигента, буржуа и т. п.! Как будто сфера пробуждаемых театральным действием иллюзий так капризно-ограничена, что умещается

вся без остатка в «эстетных» сердцах немногих избранных.

Театр, как и всякое искусство, воспринимается прежде всего сердцем, а уже потом — умом.

Интуиция, сверхволевое прозрение к восприятию художественных идей должны быть поставлены на первое место.

И «необразованный» судья сплошь и рядом является цельным, тонким критиком и верным ценителем искусства.

Его непосредственность невольно, механически воспринимает действительно художественное и отмечает малейшую фальшь и условность, т. е., именно те недостатки, к которым привык и которых почти не замечает «подготовленный» зритель. Эти положения неоднократно проверены на опыте.

Поэтому, никакого приспособления художественных норм и принципов к степени понимания народа не требуется. Ни о каком низведении искусства до подчиненной роли какой-то подготовительной школы не может быть и речи. Серьезно трактовать о подобной «реформе» равносильно стремлению заменить полноценную монету менее ценной или явно фальшивой.

Лозунгом демократического театра должен оставаться прежний лозунг театра — порыв вперед, к свету, истине, красоте!

Иной вопрос, какие формы примут эти моральные величины при переоценке всех ценностей.

Однако, думается, незыблемое и вечное после всех эволюций останется тем-же незыблемым и вечным.

Таков закон замкнутого круга в искусстве. Что касается задач, выдвинутых ходом вещей в порядок дня деятелей сцены, то они огромны и неисчислимы.

Одной из главнейших задач является полное отречение от приспособления к условному вкусу «избранных», полный отказ от моды, навязанной театру и привитой актеру эстетическими руководителями, театральными завсегдатаями, классовыми авторитетами. Платформа возрожденного народного театра должна базироваться на интернационализме и всеословности.

Полное отречение от уз рутинной, универсальной сожмения в непогрешимости прежних способов воздействия на одноклассового по своему составу зрителя.

Рельеф, выпуклость, смелый чекан в передаче. Глубокая, психологически обоснованная трактовка ролей. Развернутая на широком фронте, в малейших деталях соприкасающаяся с жизнью, работа режиссера. Беспощадное изгнание из творчества рутинной, шаблона, фальши и условностей. Искусство, подлинно творческое народное искусство не должно носить в себе, прежде всего, ничего искусственного, нездорового, не выбивающегося непосредственно из недр жизненного ключа.

Что касается репертуара, мы вынуждены в данный момент ограничиться некоторыми краткими общими замечаниями, в надежде развить их более обстоятельно в ближайшем будущем.

В качестве руководящей нити в деле выбора пьес можно порекомендовать следующие золотые слова Ипполита Тана:

«В обыденной жизни первым действующим лицом является народ, в аристократическом театре он отсутствует. Каждый театр воспроизводит современные нравы. Художник копирует лишь то, что он видит и не может копировать ничего иного; дал и историческая перспектива служит ему лишь для того, чтобы прибавить поэзию к истине».

Обобщая сказанное, делая из него широкие выводы, мы приходим к следующему заключению.

Репертуар театра демократического ренессанса включает в себе все истинно-художественно-ценное.

Пьесы исторические, бытовые, психологические, политические, суть его элементы, если эти пьесы в достаточной степени сопричастны тому, что обозначается термином художественности.

Каждая пьеса, освещающая правдиво, без грубых тенденций тот или иной уголок жизни, являющаяся историческим, психологическим или социально-бытовым фрагментом, имеет право на включение в репертуар народного театра, ибо, раз существовал подобный уклад жизни, подобные взгляды, демократия обязана о них знать. Из таких отдельных звеньев составится строго гармоническая цепь ее миропонимания.

Это общее.

В частности, необходимо всемерно стремиться к созданию нового репертуара, всецело вытекающего из пролетарской идеологии, свободного как от цензурного гнета, так и от тенденций «господствующих классов» на смысл, цели и задачи искусства.

Николай Муханов.

Международная революция и задачи пролетарской культуры.

В годовщину праздника борьбы Российского Пролетариата со своей и международной буржуазией, выразившейся в беспощадном низвержении и сокрушении всего капиталистического строя, в эпоху переоценки всех ценностей, — там за оккупационной линией, в «культурной», бронированной Германии и ее спутнице — Австро-Венгрии, с оглушительным треском грянула революция, пока мелко буржуазная, «соглашательская», но все же отбрасывающая в пропасть истории старый и гнилой строй «просвещенного деспотизма». Символов реакции и гнета — Вильгельмов и Карлов — уже больше не существует. Да,

символы уничтожены, маски сорваны, но — увы, осталось само лицо буржуазного общества — класс буржуазии Германии и Австро-Венгрии, и также в других странах. Лжевожди в Германии и Австро-Венгрии, — Шейдеманн и Виктор Адлеры, насквозь проникнутые духом буржуазной идеологии, тем самым куют для себя и для всего рабочего класса новые цепи. Восставший Герман Австро-Венгерский пролетариат только-что сбросил с себя эти рабские цепи, как его опять заставляют их надеть. Но, к сожалению, сами массы восставшей „Средней Европы“, еще столь слабы, столь нерешительны в своих требованиях, что, признавая социалистическую республику формально, — фактически остаются теми же приверженцами „демократического“ буржуазного строя.

Но, очевидно, развитие истории и ход „локомотива“ ее — революции — имеет свои основные законы.

Очевидно, даже социалистическая революция должна изжить буржуазные предрассудки и только тогда стать на верный путь классовой борьбы и победы Пролетариата. Но почему Западно-Европейский пролетариат не может сразу освободиться от своих разного рода поработителей? Почему эксплуатируемые классы Германии и Австро-Венгрии, после свержения деспотизма, не стремятся и к низвержению империалистического капитализма? Потому что буржуазная идеология — культура рабства и тупой покорности, глубоко проникла в душу и мозг этих классов. Потому что эти классы — пролетариат и беднейшее крестьянство, не имели возможности свободно и самостоятельно хотя додуматься до творчества своей культуры, своей идеологии.

Мертвецы из II-го Интернационала забыли священный завет великого основателя I-го Интернационала Карла Маркса и, по примеру буржуазных теологов, из всех сил стараются использовать социализм, так же, как „граждане в золотых ризах или черных таларах“ стараются „использовать“ учение Христа для защиты правящих классов от натиска „черной толпы“. Государственное христианство и государственный социализм, особенно в такой стране, как Германия, не имеет почти никакого различия.

Как „официальное учение Христа“ сводят к затемнению сознания и порабощению совести своих „подданных“ вообще, так официальный социализм, в частности, реакционно влияет на пролетариат. Но такое положение духовной зависимости наблюдается не только в Германии, оно с еще большим „подъемом“ свирепствует в „папской Италии“, „республиканской“ Франции, и „демократической Англии“...

Нет такой страны, где бы буржуазная культура не проникла в самую глубь и ширь эксплуатируемой ею же физически „трудовой массы“ и

не держала-бы в тупой зависимости ее до сих пор. Только Российский пролетариат первый сбросил со своих измученных плеч эту ужасную тяжесть истории...

Но годовая практика уничтожения Российского капитализма разбудила западно-европейский пролетариат.

И он, просыпаясь, видит, как жестоко его обманули его „вожди“, цари, короли и президенты.

Период четырехлетней междоусобной бойни почти парализовал чувство и разум его западно-европ. пролетариата. Буржуазные эстеты с гордостью могут сказать, что в „Inter arma, silent artes“ *). Действительно, международный пролетариат воюющих стран, все время — в области своей классовой культуры — бессильно молчал. Но переполнилась чаша терпения и грозная лава негодования и мести начинала проникать во все уголки земного шара. Клокочет в Германии, Австрии, Болгарии, Голландии и Бельгии. Бурлит и во Франции, Италии, Англии, и в отечестве Вильсона. Уже собираются грозные тучи международной пролетарской революции и не далек день, когда грянет гром последней схватки классов буржуазного общества. Российская революция является этой искрой международного пожара, в котором погибнет весь капиталистический строй.

Но, — увы, — если на окончательный бой собирается и поднимается мировой пролетариат, то и не зевает и международная буржуазия. Путем обмана, подкупа, измены, материальных средств, — она старается разединить назревшее международное братство пролетариата. Опираясь на заклятых защитников правопорядка — буржуазную интеллигенцию, которая под разными масками „социализма“ и „демократизма“ успешно работает на славу рабству и эксплуатации, международная буржуазия тем самым сможет продержаться у власти гораздо дольше чем, если бы пролетариат не поддался на удочку образованных слуг империализма.

И эта Иудина работа имеет свой успех. Но это только временно. Тысячу раз прав пролетарский поэт Гастев, который восклицает:

Кто остановит пламя тысячи печей солнц? Кто ослабит напор и взрывы раскаленных атмосфер? Кто умирот быструю маховиков-сатурнов?..

Да, кто остановит пламя, ослабит взрывы и умирот быструю развития Социалистической Революции? Где та сила, которая повернет назад колесо истории? Такой силы нет, ибо буржуазия была сильна своим обманом, лживостью, лживостью и жестокостью перед трудовой массой, которая теперь, просыпаясь, видит, какое могучее орудие в деле освобождения из под ига пра-

*) В грохоте орудий искусство смолкает.

вляющих классов есть классовое сознание и братская солидарность пролетариев всех стран, организация самостоятельной пролетарской культуры.

Российская Революция, которая год тому назад зажгла этот красный пожар социалистической революции, который ослепительным образом действовал на свою и международную буржуазия, для трудящихся классов этот спасающий пламень осветил светозарные пороги коммунистического строя.

И теперь, когда, с одной стороны, в дыму этого пожара строятся боевые колонны международного пролетариата, готовых соединиться с русскими, с другой, — организуются все черные силы старого умирающего строя, для нанесения последнего удара своим историческим врагам, для совершенного задушения его, если это им удастся. И в действительности: — как-бы ярко ни рисовалось перед нами международное положение, все же опасность еще не миновала. Как я уже указал, в начале своей статьи, силы западно-европейского пролетариата еще не сплочены, его практические боевые цели еще не познаны, и можно ожидать еще не мало разочарований, а, быть, может и поражений, до тех пор пока окончательно не освободимся от этого „культурного“ мира.

Но борьба за овладение всего мира в материальном и духовном отношении — уже началась, и два стана, два класса стоят один против другого. От исхода политически-экономической борьбы обеих сторон и зависит дальнейшее развитие социалистической революции. Если победит всемирный империализм, то дни Коммунизма сочтены на долгие годы; если, наоборот, победит Коммунизм, вопрос о развитии пролетарской культуры будет поставлен, без всяких сомнений, в должное развитие последней. Конечно, пролетарская культура таит в себе международные элементы. Уже первые культурные организации восставшего Российского пролетариата заключают в себе эти элементы. Узко-национальная точка зрения на развитие пролетарской культуры потеряла уже

свое значение с тех пор, когда капитализм вышел из рамок национального масштаба, и больше не должна восторжествовать. Поэтому задача пролетарской культуры и политики в данный момент — стремиться к восстановлению разорванных империализмом товарищеских уз; тесное объединение международного пролетариата. Конечно, идея Пролеткульта не может победить там, где мелкобуржуазные культуртрегеры, весьма и весьма удачно пока, кормят пролетариат разными похлебками — суррогатами буржуазной культуры. Но их „культурная миссия“ скоро закончится. Рядом с Германской, Австро-Венгерской, Итальянской, Французской и Английской Коммунистическими Партиями, возникнут и соответствующие Пролеткульты. И когда будет образован Всемирный Совет Рабочих Красноармейских и Крестьянских Депутатов, то параллельно с ним будет образован и Международный Пролеткульт.

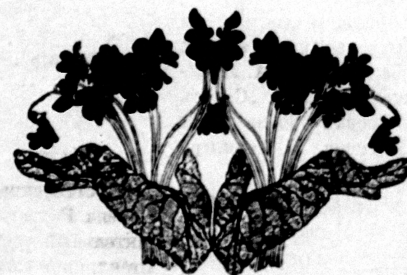
Победа Международного Пролетариата над буржуазией — означает победу и над буржуазной культурой.

Поэтому задачей Российского Пролетариата в области своей классовой культуры и пролетариата международного является — наибольшее сплочение всех живых сил вокруг своих самостоятельных Культурно-Просветительных Организаций, и вокруг Центрального Международного пролетариата; массовое издание пролетарской литературы в области науки и искусства и перевод ее на иностранные языки для массового распространения за границей; обязательное, немедленное изучение иностранных языков; всестороннее развитие классового сознания.

Социалистическая Россия должна служить примером для всего мира, поэтому нужно работать не покладая рук.

Итак, работа организационная, просветительная и творческая во всей области пролетарской культуры в международном масштабе должна привлечь к себе максимальные усилия деятелей пролетарской культуры, энергией которых и будет создана лучшая культура.

Карл Озоль-Предник.

Футуризм и пролетарская культура.

Два сфинкса, смотрящие друг на друга и вопрошающие: кто ты? От ответа, какой дадут эти литературные направления, зависит их судьба. Одно другое должно уничтожить. Это чувствуют противники и потому медлят с ответом. А одно из этих общественных течений явно уклоняется от ответа. Футуризм хитрит: точно хамелеон, он старается принять чуждую ему окраску революционной культуры пролетариата. В „Искусстве Коммуны“, во втором номере, Н. Альтман говорит: „лишь футуристическое искусство построено на коллективистических основах. Лишь футуристическое искусство есть в настоящее время искусство пролетариата“.

Некоторые футуристы, говоря о футуризме, понимают под ним все левые течения в искусстве. Но другие тут же ограничивают рамки футуризма, исключая из него литературные течения, представляемые Пролеткультами.

По мнению О. Брика, культура, творимая самими рабочими, не есть пролетарская культура. О. Брик пытается доказать, что истинными ее творцами являются художники-пролетарии, сиречь футуристические интеллигенты.

Мы сами охотно исключаем пролетарскую культуру из футуристического кольца, ибо никогда мы не были поклонниками блока левых, тем более, союза с теми, которые, по нашему мнению, идут левее здравого смысла.

И это еще тем хорошо, что наша платформа, не замутненная никакими „измами“, будет видна глазам рабочего класса. Мы исходим из того положения, что пролетарскую культуру создают сами рабочие, а не интеллигенты, случайно или не случайно дошедшие до идей пролетариата.

Романы Кулера и поэмы Лонгфелло о краснокочих индейцах никому не приходят в голову назвать литературой индейцев; почему же хамелеоны интеллигенции, пишущие о рабочих, называют свою литературу рабочей литературой? Разве гусеница, в чредах самосохранения принимающая вид древесного сучка, перестает быть обжорливой гусеницей? И не обнаруживает ли симулянтка, после первого приступа страха, свою природу?

Следует сказать, что в литературе, написанной интеллигентами, как о рабочей литературе, не приходится и ее нужно рассматривать лишь, как попытку одного класса обработать в своих интересах психологию другого класса, и на место реального поставить мнимое.

В приказе по армии искусства, в первом номере газеты футуристов, поэт Маяковский делает первую попытку в этом направлении.

„Паровоз построить мало —
накрутил колес и утек;
Если песнь не громит вокзала,
то к чему переменный ток?
Громоудите за звуком звук вы
и вперед,
пой и свисти,
Есть еще хорошие буквы
Эр.
Ша.
Ща.
Это мало построить парами,
распушить по штанине капты.
Все сдвинуты не сдвинут армий,
если марш не дадут музыканты.
На улицу тащите рождяи,
Барабан из окла багром;
Барабан,
рождяи, раскрой ли,
но чтоб грохот был,
Чтоб гром.
Это что — карнет на звездоч,
перемазать рожу в коготь
и на роскошь чужую
в отды,
оголовельми глазами хлопать,
Довольно грошевых истин“.

Курсивом мы отметили футуристическую симпатию Маяковского к рабочим и его плохо замаскированную тревогу за чужую роскошь. „Грошевые“ истины рабочих в этом „коммунисте“ вызывают тошноту. И для него дороже всех этих грошевых истин необыкновенное рифмование слов с окончанием на эр, ша, ща! И вытаскивание через окно на улицу багром барабанов и рождяи, „чтоб грохот был, чтоб гром“.

Необыкновенное пристрастие у футуристов к бутафорскому грому.

„Белогвардейца
найдете и к стенке.
А Рафаэли забыли?
Забыли Растрелили вы?
Время
пудами
по стенкам музеев тенькать“.
„А почему
не атакован Пушкин“?

Этот бутафорский гром необходим футуристам, как капиталистам благородные слова о защите родины от вражеского нашествия, потому что за словами и за шумом можно потихоньку делать свои делишки. А делишки эти у футуризма дискредитированы рабочей революцией. Если же такой усердный шум производится по глупости, то тем хуже — услужливый дурак опаснее врага.

Пролетарские поэты тоже писали:

„Во имя нашего завтра сожжем Рафаэля“.

Но это писалось в свое время, чтобы устыдить тех, кто во время московского боя бежал из наших рядов. Мы прокричали им, что наше Завтра лучезарней золотых макушек Чудовых и иных монастырей. Что же вы, гражданин Маяковский, дадите нам взамен Пушкина, которого вы еще не осилили, которого вы читаете по ночам¹⁾, а по утрам называете „негодяем“ и „сволочью“? Со своим „бунтом“ вы напоминаете нам недоразвившегося атеиста, который не отрицает существования Бога, а лишь борется с ним.

„Знаю
не любите праздных фраз вы,
Рубите дуб — работать дабы.
А мы
не древообделочники разве?
Голов людских обделываем дубы“.

Прежде всего голову нужно обделать или снести ее в психиатрическую Бехтерева, а потом уже писать приказы по искусству.

Возвратимся к положению Н. Альтмана — „лишь футуристическое искусство построено на коллективистических основах“.

Будем приводить примеры коллективистической основы футуризма.

Василий Каменский. — Его-моя биография великого футуриста.

7 дней предисловий, 3 портрета.

На книге автор наклеил кружочек сусального золота.

На портретах он показал нам своих буржуазных папу и маму.

И себя — Васю — в солнцерадостном детстве и себя, Василия, уже здорового парня в футуристической тулупке.

Вся биография до тошноты напичкана самолюбованием, кокетством и обезьяньими ужимками, а вот и его стихи:

¹⁾ Маяковский в Петроградском Пролеткульте при всех наших товарищах сознался, что он Пушкина читает по ночам и оттого его ругают, что, быть может, сильно любит.

„Из жизни содал и поэзию
А из поэзии — стихи
И стал подобен солигению
И композитором стихии.
Быть может, Первый в Современности
Из мастеров я, сам Московский,
И даже таю в удивленности
Давид Бурлюк и Маяковский“.

А Маяковский, „тая в удивленности“, в свою очередь сочиняет о себе поэму — „Человек“, с главами — Рождество Маяковского, Жизнь Маяковского, Страсти Маяковского, Вознесение Маяковского и т. д. и т. д.

Но этого мало. Эдуард Багрицкий сочиняет гимн Маяковскому —

„Оверевший аубр в блестящем цилиндре,
ты медленней новодаша остекленевшими глазами“.

Нужно признаться, что футуристы не скупились друг другу на гимны и на выдачу патента гениальности.

„За что же, не боюсь греха,
Кукушка хвалит петуха“.

Так что утверждение Н. Альтмана, будто футуристическое искусство построено на коллективистических основах, не совсем основательно.

Другое его положение, что — „лишь футуристическое искусство есть в настоящее время искусство пролетариата“, — требует оговорок. О каком роде искусства идет речь? Если о литературе, то спор впереди, если о живописи, то можно согласиться с Н. Альтманом, что, действительно, в настоящее время, кроме футуристической живописи у пролетариата другой не имеется. Но едва ли пролетариат доволен этим даром футуристов, и едва ли футуристически-кубистскую начеткотню он захочет усвоить и признать ее своим искусством.

Октябрьские торжества убедили рабочих в том, что им нужно бояться „Данайцев, даже приносящих дары“.

Рабочий в кубе и в квадрате с вихляющим задом и с развалившимся на квадраты позвоночником едва ли завоеует симпатию в широких трудовых массах.

И на том только основании, что коммуна за деньги поручила футуристам украсить город, считать их искусство пролетарским по меньшей мере смешно.

Но оставим спор с людьми, которые на слух нахватались слов: пролетарская культура, коллективистическая основа и тому подобное, не совсем перевариваемое футуристическими головами; и лучше поговорим о социальном свойстве самого футуризма.

Прежде всего само слово Futur — будущее, не русского происхождения, и, как течение, оно зачалось в Италии, — вождем которого явился молодой писатель „Ф. Т. Маринетти, истинный сын культурного разложения итальянской буржуазии, Перенесенное на русскую почву, зерно футуризма,

точно. трава чертополоха, сразу завоевало литературное поле.

В этом успехе ничего не было случайного. За последнее десятилетие леса русской литературы изрядно-таки оплели. После того как, после первой революции, интеллигенция оставила народ и стерла революционную окраску со своего искусства и превратилась в желтолицего кули капитализма; после того как русская литература, лишенная глубокой социальной почвы, поблудила в трех соснах символизма; после того как она заволодела под эмалью эстетизма; после того как она истошила себя в эротизме и утомленная похаживала в религию, русская литература, русское искусство приняло в лоно свое футуризм. Вот она — автомобиль наступил современности.

— Мозг пустеет, как коробка со спичками
К 12 ночи в раздраженном кабаке. Я
Память сытую насильно пищаю
Сладкими, глазированными личиками
И бю сегодняшний день, как лакей.
Над жутью и шатью в кабинете запечатанном,
Между паркетным вальсом и канканом потолка,
Мечется от стрел электрочертей в захватанном
И обтресканном капоте подымавшая тоска.

В. Шершеневич.

Автор в предисловии к своей книге говорит: наша эпоха слишком изменила чувствования человека, чтобы мои стихи могли быть похожи на произведения прошлых лет. В этом я вижу главное достоинство моей лирики: она насквозь современна.

Поэзия покинула Парнас; неуклюжий, старомодный, одинокий Парнас „сдается по случаю отъезда в наем“. Поэтическое, т. е. лунные безделушки, слоновые башни, „вперед-народ“, рифмованная риторика, стилизация, — „воспроизводится по дешевым ценам“.

Древо буржуазного искусства хирело, умирало; еще бы, „мозг пустеет как коробка со спичками, к 12 ночи в раздраженном кабаке“; соки кореньев не подымались более к вершинам, в листву и не рождали цветов поэзии.

Дерево все в конвульсиях, перед смертью оно покрывается уродливыми шишками и наростами... Один из этих наростов и есть футуризм. Бессильное уйти от родословного дерева, бессильное

найти жизненные артерии социальной почвы, это явление, стиснутое со всех сторон захиревшими стариками, объявляет священную войну против... устарелых форм искусства.

Футуристы ищут новых слов, новую рифму, создают свой ритм; ими пишутся приблизительно такие слова:

„В разлитности детально над Грустинией летан,
Я детальность совершаю в заветный стан.
Раскрыленность укрывает раскаленный метеор
Моя песня крыловая — незамолчий гул-мотор“.

В. Каменский.

Или размер, как у Маяковского:

„Стоп!
Скидываю на тучу
вещей
и тела уставшего
кладь.
Благоприятны места, в которых доселе не
был“.

В конце концов, кроме десятка двух худо ли, хорошо ли составленных слов и своеобразного ритма, напоминающего скрип неподмазанной татарской телеги, футуристы в смысле формы ничего не создали. Ибо только новое содержание дает нам новые формы.

Что же касается содержания, то оно отнюдь не блещет новизной и оригинальностью, за исключением одного пикантного желания отца футуризма, Маринетти, родить сына без помощи женщин.

Все остальное у них по существу самое обыкновенное интеллигентско-мещанское. У итальянских футуристов оно шовинистически-кровожадное. А у нас — как у нас, ни то, ни се!

Как должны относиться к творчеству футуристов творцы пролетарской культуры. А очень просто — как смотрит столяр на нарост у орехового дерева — если срезать и распилить на тонкие шпательки, то может пойти на разные поделки мебели.

Можно воспользоваться кое-чем ценным из их технического багажа, но ни в коем случае нельзя позволить футуристам тело рабочей культуры одеть в футуристическую одежду. Пусть самих себя радят в шутовской наряд, это им пристало.

П. Безсалько.

На солнечный путь.

(К годовщине пролетарского журнала „Грядущее“).

„Только тот, кто своим слезам и гнет
Сохранял в своем сердце порывы,
В наших робких напевах поймет
И тоску, и порыв, и призывы.“
(Самобытник).

Грубой ошибкой, хуже — абсолютным непростительством является утверждение в печати и в дискуссиях на тему о культуре, о старом и новом

искусстве, утверждение, что лишь революция породила, принесла с собой консерваторам — ненавистную, а „желтым кофтам“ — футуристам, как примазавшимся к революции, — лакомую, пролетарскую культуру.

И уже не ошибкой, а прямым преступлением является сознательное умалчивание некоторыми

о том, что не революция породила пролетарскую культуру, а как раз наоборот — пролетарская культура породила революцию.

Снимая возведенный на революцию поклеп, считаю нелишним отметить то, что все хорошо знают и говорят о том, что все современные направления в искусстве: и реализм, и символизм, и акмеизм, и мистицизм (то же народничество), и футуризм народились гораздо раньше революции. Но никто не говорит о том, была ли до революции пролетарская культура, пролетарское искусство.

Культура — понятие слишком широкое; для ясности возьмем одну из могучих, пышных и красивых ее ветвей, как более знакомую нам, литературу и увидим, что пролетарская культура не только была до революции, но и породила ее.

Об этом очень и очень хорошо знают такие видные апологеты культуры, такие представители искусства, как т. Луначарский и Горький; но и они почему-то упорно этот факт замалчивают.

В этой статье я не буду касаться истории возникновения всех течений и направлений в искусстве — это в мою задачу не входит, об этом в другой раз — я мимоходом остановлюсь лишь на некоторых этапах развития пролетарской литературы и напомним сказанное о ней в свое время (печатно) одним из титанов от литературы — М. Горьким.

Хотя корни пролетарской литературы тянутся через Горького и Решетникова, в глубь веков, все же до революции пятого года о наличии пролетарской литературы можно было спорить, она так была слаба и незначительна, что буржуазному критику не стоило труда доказать, что революцию 1905 года породила „честная“ либеральная литература. Но уже после разгрома революции, когда „честная“ литература пошла на службу к свирепствующей реакции и, отряхая от ног своих прах революционности, выманивала у нее прощение за „увлечение“, за „шалость“, за игру в революцию, тогда всем действительно честным революционерам, борцам за новую, радостную светлую жизнь, было видно, что потому только и восторжествовала реакция, что подлинно-революционная, подлинно-пролетарская литература была еще в зачаточном состоянии, была еще очень и очень слаба, чтобы бороться с гидрой царизма и капитализма. Но она уже была.

И во время почти поголовного ренегатства интеллигенции, и почти абсолютного ее отречения от революции, подлинно пролетарская литература, представляемая самими рабочими, и только ими, осталась на своем революционном посту, организовываясь, сплачиваясь в мощную крепость революционных идей.

В эпоху реакции, когда интеллигенция убежала от пролетариата и увлеклась „пинкертоновщиной“, когда буржуазная литература принялась смаковать, обсасывать половой вопрос, распадаясь на

всевозможные „измы“, пролетариат неустанно, непреклонно создавал свою классовую подлинно-революционную пролетарскую литературу. Брошенный интеллигенцией, он не растерялся и не опечалился, а сразу почувствовал, что воздух стал чище, путь к грядущему яснее, и принялся за гигантскую работу, которая привела его к победе в Октябре.

Нельзя передать того, что пережил, как работал, какую тяжесть вынес на своих могучих плечах пролетариат в годы реакции, создавая свою литературу, свою культуру, приближая радостный час революции.

Он с лихорадочной поспешностью принялся за организацию культурных ячеек, выделяя из своей среды свою собственную интеллигенцию, своих артистов, художников, ораторов, своих писателей... и под руководством оставшихся верными пролетариату интеллигентских единиц, эта новая интеллигенция, группируясь вокруг подпольных и легальных культурно-просветительных организаций, оформляла свое миропонимание, проходила курс своего историко-литературного, политического и социально-экономического образования, получая „университетский“ диплом в тюрьме, ссылке, а некоторые счастливицы — за границей.

Здесь в России, а главное, в Петрограде, главный культурный центр находился в Лиговском Народном Доме (бывшем гр. Паниной). Там же ученики вечерних общеобразовательных классов проходили и свой подпольный „университет“.

За границей такие школы были организованы и на „Капри“, и в Париже, и в Женеве, под руководством М. Горького, А. Луначарского, А. Богданова и др.

Прошедшая такую школу рабочая интеллигенция, связанная кровными узами и единством цели со своим классом, сейчас же становилась у руля рабочего движения, курсируя на красный Октябрь.

Когда буржуазная литература с головой бросилась в обиталище разврата, когда она целовала стопы реакции, сознательный пролетариат почувствовал острую необходимость в создании своей литературы, своей прессы. А так как не представлялось возможности иметь свою газету, то было приступлено к изданию прокламаций, воззваний, листовок и рукописных литературно-художественных журналов, со страниц которых поносились смелые, бодрые, полные веры и силы призывы к борьбе, к восстанию, за освобождение рабочего класса.

На человеконенавистническую, демоническую вакханалию слуг буржуазии, каркавших:

„Я ненавижу человечество,
Я от него бегу, спешу.
Мое единное отечество —
Моя пустынная душа...“

(К. Бальмонт).

ствование ее отрицали, а теперь пришли, и пришли со своим смрадным запахом, со своим зельем; впустив нас, мы отравим душу пролетариата, а пролетариат и мы—Одно Целое, мы часть его гигантского тела, его интеллект, а посему не можем же мы быть предателями самих себя, изменниками самим себе, «идите, откуда пришли. Наш путь с теми, кто с нами!»

И вот поэту, и только поэту, ни один журнал (даже газеты) не имеет такого спроса, как пролетарский журнал „Грядущее“; ни одно (даже советское издание) не имело такого спроса, как издания Пролеткульта. Книжки пролетарских писателей разошлись за два месяца в количестве 115 тысяч экземпляров. Спрос же превышает 300 тысяч экземпляров каждого автора. Но отсутствие бумаги заставляет отказывать многим читателям-заказчикам. И это потому, и только потому, что пролетариат выделил из своего мозга лучшие соки, выделил из своей среды лучших представителей, которые являлись частью его тела и, как увидим ниже, никогда с ним не порывали, и потому он верит им. В их творчестве видит свое творчество, в их достижениях—свое достижение. Он знает по примеру эпох и реакции, что чем меньше будет в его рядах „ориентирующейся“ интеллигенции, тем яснее путь к Грядущему, ближе победа и чище атмосфера, о чем очень многим не следует забывать.

К тому времени, когда рабочее движение, под руководством рабочей же интеллигенции, стало принимать более широкие размеры, листовки и рукописные журналы перестали удовлетворять духовные запросы пролетариата, а буржуазные органы при обострившейся классовой розни, разумеется, не могли предоставлять своих страниц литературе рабочего класса, да и рабочие к своему врагу не пошли бы. Нужно было напрячь все силы для создания своего органа. С невероятным трудом была создана своя газета „Звезда“, а потом и „Правда“, которые обслуживались почти самими рабочими. Не безынтересно отметить, что вскоре организовавшийся меньшевистский „Луч“, где было большинство интеллигенции, не пользовался широким вниманием рабочих и впоследствии выродился в шовинистический, оборонческий, а потом в контр-революционный листок.

Нужно ли говорить о том, какие кары сыпались на газеты рабочего класса, нужно ли говорить, под какими ударами пролетарскими писателям приходилось нести красное знамя рабочего класса, создавать классовую литературу. Ни одного из моих товарищей, рабочих писателей, я не знаю, который бы не отведдал тюрьмы, ссылки и даже каторги. А сколько безвременно погибших! Сколько затравленных, замученных, казненных! И все же рабочая интеллигенция ни на минуту не порывала со своим классом, и под рев будущей реакции „разрушая все преграды“, шла вперед, пробуждая спящих, призывая к

борьбе угнетенных, чего ныне освободившийся пролетариат никогда не забудет.

Создав и обслуживая свою рабочую прессу, рабочие писатели приступили к организации издания „сборника пролетарских писателей“, как начала, как первого легального камня в здании пролетарской художественной литературы. И разбросанные царизмом почти по всему свету, но спаянные одной целью, духовной неразрывной связью, они собирали, подготавливали (не один год) материал для названного сборника. И лишь в начале 1914 года первый сборник пролетарских писателей, с предисловием М. Горького, появился на свет.

Размер статьи не позволяет мне остановиться на содержании этого сборника, как я не остановился на содержании рабочей газеты „Правды“, хотя я не сомневаюсь, что большинство рабочих с содержанием названных памятных знаков; но, общая в начале статьи напомнить сказанное Горьким (печатно) о пролетарской литературе, приведу некоторые характерные места из предисловия, написанного им к сборнику. Он говорит:

„Об этой маленькой книжке современному упомянут, как об одном из первых шагов русского пролетариата к созданию своей художественной литературы.“

Ниже торжественно заявил:

„Я крепко убежден, что пролетариат может создать свою художественную литературу, как он создал—с великим трудом и огромными жертвами—свою ежедневную прессу.“

Тогда он видел, чувствовал и правильно отмечал:

„Запас этой (творческой) силы изумительно велик. Мы видим, как быстро он приподнял и сплотил пролетариат, недавно еще подавленный; разгромленный, брошенный интеллигенцией, которая частью истреблена тюрьмой и ссылкой, частью же, изменив интересам пролетариата, пошла на службу к буржуазии и ныне безуспешно пытается создать на потребу ее идеологию, которая оправдывала бы отношение буржуазии к демократии.“

Ниже:

„Мы уже можем сказать, что, несмотря на ужасные условия жизни русского рабочего, он постепенно создает свою интеллигенцию. Выделяя часть своей физической энергии, претворяет ее в энергию психическую, духовную. Вот откуда истекает все возрастающее среди рабочих стремление к писательству, к литературе.“

И заканчивает предисловие такими словами:

„Товарищи! Когда история расскажет пролетариату всего мира о том, что пережито и сделано вами за восемь лет реакции, рабочий мир будет изумлен вашей жизнедеятельностью, бодростью вашего духа, вашим героизмом.“

Может быть, вы сами не сознаете, не замечаете, как много сделано вами, но будущие поколения русских рабочих и весь пролетарский мир нашей планеты непременно почерпнет в примере вашем великие силы для борьбы за новую мировую Культуру.

Это будет! Только мертвые не поймут общекультурного значения работы, совершенной вами за эти восемь лет.“

О, эти мертвые люди! К сожалению, они и в наше время находятся. И эти мертвые люди не только не понимают этой работы, и не только полагают, что пролетарская литература пришла с революцией, но еще коварно или глупо вопрошают: „А зачем рабочему пролетарская, классовая культура?“ Тов. Горький, несомненно, знает, но, очевидно, от охватившей его радости, упорно молчит.

Нужно сказать, что первым сборником пролетарских поэтов уже намечался путь пролетарской литературы, который и доныне не могут отыскать претенденты на поэтов пролетариата, но далекие и чуждые ему элементы (футуристы). В заключительной строфе стихотворения тов. Д. Одинцова „Вперед“, которым закрывается сборник, был брошен клич:

„Итак, на встречу светлой дали,
Неся в груди огонь живой,
Под рев гудка и грохот стали,
Вперед к культуре мировой“.

Кровавая мировая бойня уничтожила рабочую печать, разрушила налажившуюся легальную работу издания художественной литературы, а пролетарских писателей одних—бросила в окопы, других—в тюрьмы и Сибирь, а третьих—заставила жить волчьей жизнью (дезертировать), но пролетарской литературе уничтожить все-же не могла. Пролетарские писатели снова ушли в подполье и оттуда принялись обстреливать твердыню капитализма, наводняя тыл и фронт прокламациями и листовками. Снова приступили к изданию своих журналов, небольших сборников, частью рукописных, а частью отпечатанных в „своих“ типографиях.

Кроме этой гигантской и крайне рискованной работы, они, стремясь сжечь огнем революционных идей охвативший несознательное большинство рабочей массы густой налет шовинизма, выступали на всех тайных и под разными предлогами разрешенных собраниях и митингах. Работа эта стоила многих жертв, но она дала хорошие результаты в феврале.

После Февральской революции, когда нужно было бороться с более сильным врагом, чем царизм,—буржуазией, пролетарские писатели в первых рядах своего класса пошли на приступ буржуазной крепости, не забывая ни на минуту об организации своего, классового литературно-художественного журнала, потребность в котором чувствовалась острейшая.

Там же в Лиговском Народном Доме, в мае 17 года, было положено начало созданию журнала. На общем собрании членов „литературно-художественного кружка“ (нынешний Пролеткульт, существовавший с 1909 г.; характерно, что руко-

водители кружка являются в настоящее время идейными выразителями и руководителями Пролеткульта) название кружка было переименовано в „Пролетарское Литературно-Художественное Общество—Искусство и Социализм“, и постановлено, путем организации лекций, концертов и митингов, изыскивать средства на издание журнала.

Помню, на втором собрании, во дворце Кшесинской, появился В. Маяковский; он яро поддерживал выдвинутое каким-то полунинтеллигентом предложение о названии Пролетарского Общества „Искусство и Социализм“ — „Обществом Пролетарских Искусств“. Писатели рабочие не мыслят искусства без социализма, а посему и предложение, вместе с сотрудничеством Маяковского, было отвергнуто.

В первых числах июня 17 года было приступлено к организации в районах: Александровском, Невском, Выборгском, Московском-Заставском, Волковой дер. и др. „Вечеров Пролетарской Поэзии“ и лекций на темы: „Искусство и Социализм“, „Пролетарское и буржуазное искусство“, „Искусство и Рабочее движение“, „Революция и Пролетарская Культура“, „Задачи Пролетарского Искусства“ и др. С того же времени началось собирание и редактирование материала для первого номера, который предполагали выпустить в начале августа. Но неумолимые обстоятельства властно отодвигали выход журнала все дальше и дальше. Усиливающаяся борьба с буржуазией все больше и больше требовала не только физических, но и интеллектуальных сил. А поэтому пролетарским поэтам не только пришлось уйти с головой в политическую работу, но еще и поехать в провинцию частью и на фронт.

Оставшаяся часть товарищей буквально выбивалась из сил, но работу все-же продолжала. Почти каждый поэт в том или ином районе, при помощи своей жены, сестры, брата, товарищей, устраивал лекции, концерты, выступал и даже продавал билеты и расклеивал афиши.

Июльские события еще дальше отодвинули выход журнала и принесли непередаваемое огорчение и незаменимую ничем утрату. В эти дни на Шпалерной, ныне — улице Воинова, был зверски убит темной толпой обывателей, подстрекаемой контр-революционерами, наш товарищ и сотрудник журнала И. Воинов, за то, что продавал листок, тогда закрытой Керенским, „Правды“.

После июля ряды пролетарских писателей значительно поредели. Торский был Керенским брошен в окопы, Горемыка — тоже и вскоре был убит. Работа по изысканию средств и организации журнала легла всей тяжестью на плечи трех, четырех товарищей, перегруженных общественной и партийной работой.

Не могу не отметить изумительной работы в нашем обществе и по устройству концертов одного из многих товарищей рабочих, бывшего

